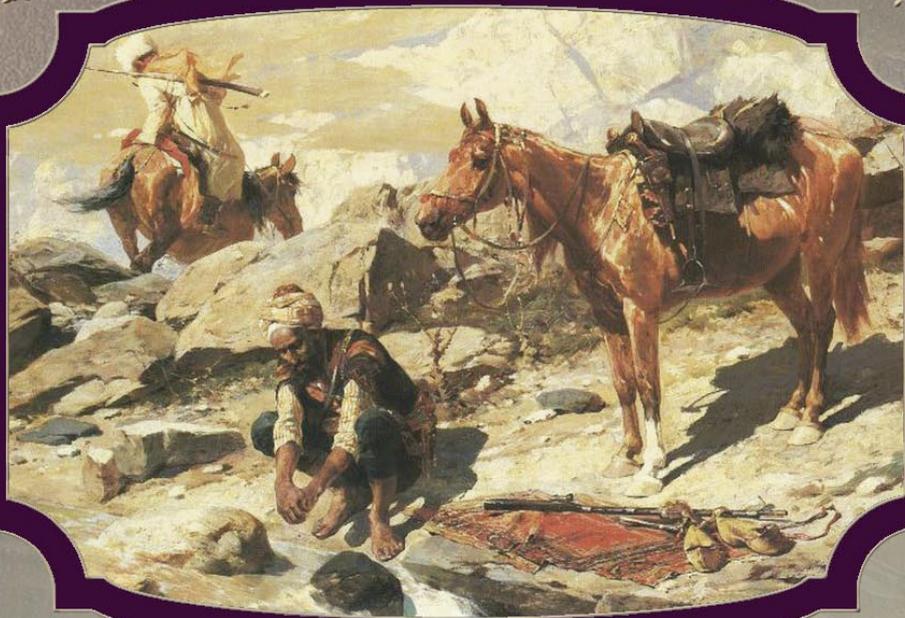

НИКОЛАЙ
ДУБРОВИН

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ
И ВЛАДЫЧЕСТВА
РУССКИХ НА КАВКАЗЕ

ГЕОРГИЕВСКИЙ ТРАКТАТ
И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ
ПРИСОЕДИНЕНИЕ
ГРУЗИИ

История войны и владычества русских на Кавказе

Николай Дубровин

**История войны и владычества
русских на Кавказе. Георгиевский
трактат и последующее
присоединение Грузии. Том 3**

«Центрполиграф»

1871

УДК 93/94
ББК 63.3

Дубровин Н. Ф.

История войны и владычества русских на Кавказе. Георгиевский трактат и последующее присоединение Грузии. Том 3 /
Н. Ф. Дубровин — «Центрполиграф», 1871 — (История войны и владычества русских на Кавказе)

ISBN 978-5-227-06593-3

Первые попытки сближения имели место еще в XVII веке, но без серьезных последствий. Первая реальная попытка долговременного союза с Россией произошла в эпоху Петра. XVIII век стал решающим для судьбы грузинской государственности. Грузия была разделена на три царства: Картлийское, Кахетинское и Имеретинское и несколько других территорий, в основном княжеств. Но сохранение во главе грузинских царств древней царской династии Багратионов давало надежду на возрождение и объединение Грузии. Определенные надежды на помощь и защиту возлагали грузины и на единоверную Россию.

УДК 93/94

ББК 63.3

ISBN 978-5-227-06593-3

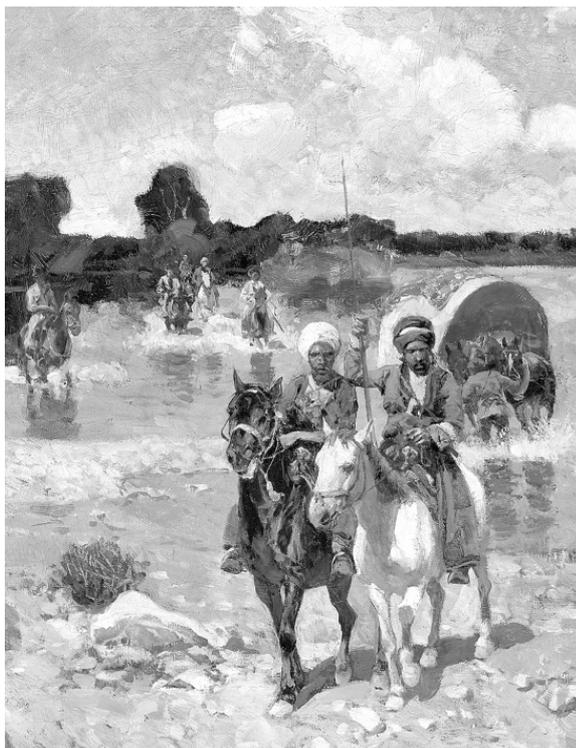
© Дубровин Н. Ф., 1871

© Центрполиграф, 1871

Содержание

1782–1794	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Николай Дубровин
История войны и владычества русских
на Кавказе. Георгиевский трактат и
последующее присоединение Грузии. Том 3
Георгиевский трактат и последующее присоединение Грузии.

Оформление художника Е.Ю. Шурловой

Глава 1

Просьба грузинского царя Ираклия принять его под покровительство России. Условия, на которых он хотел признать верховную власть императрицы. Участие в этом деле князя Потемкина-Таврического. Назначение генерал-поручика П.С. Потемкина командующим войсками на новой Моздокской линии. Отправка в Грузию полковника Бурнагиева и подполковника Тамары. Цель посылки этих лиц. Заключение договора о покровительстве. Исправление дороги в Грузию. Прибытие в Тифлис русских войск. Торжество в Тифлисе по поводу присылки ратификаций трактата и знаков инвестиции. Присяга царя Ираклия II. Награды и подарки, пожалованные императрицей. Прибытие в Петербург двух сыновей Ираклия и князя Чавчавадзе в качестве министра

Тревожное состояние, в котором находилась Грузия, окруженная со всех сторон враждебными соседями, и внутреннее неустройство страны заставили царя Ираклия II искать помощи и защиты в лице ближайшей и единоверной России. В конце 1782 года царь отправил письмо на высочайшее имя, в котором просил принять Грузию под верховную власть Русской державы и подписать с ним торжественный трактат о покровительстве.

В случае согласия императрицы Ираклий просил утвердить его с потомством в царском достоинстве, оставить в Грузии звание католикоса, как главы духовенства, прислать в его отечество 4000 русских войск, необходимых для защиты от врагов и покорения отделившихся от него провинций, и, наконец, снабдить его деньгами на содержание войск, обязуясь всю пожалованную ему сумму выплатить в течение нескольких лет.

Со своей стороны царь, по азиатскому обычаю, обещал прислать в Петербург аманатами (заложниками верности) одного из своих сыновей, нескольких князей и дворян, обещал вносить в казну половину прибыли от обработки руд, платить подати по семидесяти копеек с каждого двора, отбывать рекрутскую повинность наравне с русскими подданными, посылать ежегодно для двора императрицы две тысячи ведер лучшего катехинского вина и четырнадцать лошадей самых высоких статей. С жителей тех областей и провинций, которые могли быть покорены и возвращены Грузии впоследствии, Ираклий II обязывался вносить ежегодно по двести пудов шелка, платить также по семидесяти копеек с каждого двора и сверх того половину той платы, которую вносили с души русские помещичьи крестьяне.

Соглашаясь принять Грузию под свое покровительство, императрица Екатерина II простирала свои виды гораздо дальше мелочных условий, которые предлагал ей Ираклий. Россия не нуждалась в обязательствах, служивших к приращению ее казны, тем более что при тогдашнем состоянии Грузии и ее населения царь при самых выгодных условиях мог внести в русскую казну не более 250 000 рублей, то есть сумму, которая была недостаточна даже для содержания просимых им русских войск. Не денежная дань привлекала императрицу, а желание устроить нравственное и имущественное благосостояние единоверного ей населения Закавказья. Екатерина II мечтала об образовании по ту сторону Кавказских гор одного христианского государства, ни от кого, кроме России, не зависящего. Она хлопотала об освобождении всего христианского населения от магометанского ига персов и турок и потому охотно согласилась на просьбу Ираклия о покровительстве, ибо видела в желании грузинского царя первый шаг к упорочению нашего влияния за Кавказом.

Ближайший сподвижник императрицы, князь Григорий Александрович Потемкин, как человек прежде других понявший виды и намерения Екатерины, был избран исполнителем ее воли. Предоставляя князю Потемкину непосредственно заведовать всеми делами с Персией и Грузией, императрица тем самым передала в его руки и все наши сношения с Востоком. Она дала ему широкие полномочия распоряжаться по своему усмотрению и поручила подпи-

сать окончательный трактат с Ираклием. Князь Григорий Александрович принялся за дело со свойственными ему пылкостью и увлечением. Отправляя двоюродного брата генерал-поручика Павла Сергеевича Потемкина для командования войсками, расположенными на *новой Моздокской линии*, он написал ему¹:

«Как высочайшая ее императорского величества воля есть, чтобы иметь связь с прилегающими к границам нашим владельцами, как то: с Грузией и армянами в Карабаде и Карадаге находящимися, то и должны вы частые, под разными предложениями, иметь с ними сношения и поставить себя в знакомство, через что и приготовиться для видов и предприятий впредь назначаемых.

На месте же пребывания вашего вы должны войти в точное сведение о народах Большой и Малой Кабарды, до коей все касающиеся дела получите вы из моей походной канцелярии. Вам предлежит (предстоит) связать их собственными их выгодами с Россией и развязать давно вкорененные междоусобия; разведать, кто из них сильнее между князьями и кто надежнее; какова связь между ними и подлым народом и сии две части не худо держать в некоторой друг ко другу зависти».

Приступая к исполнению обширной политической программы, князь Потемкин желал ознаменовать начало своей деятельности особыми милостями царю Ираклию, которые могли бы указать и другим владельцам, что покровительство России ведет к многочисленным выгодам и преимуществам. По его ходатайству императрица не только согласилась удовлетворить все просьбы Ираклия, но и предоставила ему гораздо больше, чем он сам мог желать. Царю было разрешено употреблять в свою пользу дань, которую он обязывался вносить в знак подданства, и еще до подписания трактата один из сыновей Ираклия был награжден орденом Св. Анны².

В начале 1783 года князь Потемкин, сообщая Ираклию, что ему поручены все дела с Грузией, писал, что для подписания с царем трактата он уполномочил своего двоюродного брата П.С. Потемкина и в помощь ему назначил подполковника Тамару, с которым и посылает ему проект трактата³. Так как все просьбы царя были не только удовлетворены, но сделано даже гораздо больше, князь выражал уверенность, что Ираклий не встретит затруднения в заключении договора и в самом непродолжительном времени пришлет своих полномочных на линию, в то место, которое будет назначено генерал-поручиком Потемкиным. Последнему в то же время было предписано приготовить для отправки в Грузию два батальона, Горский и Кабардинский, с четырьмя орудиями, но до повеления их не отправлять, а озаботиться только починкой дороги, причем одна половина ее должна быть исправлена нами, а другая – грузинами⁴.

В середине мая 1783 года подполковник Тамара оставил Кавказскую линию и отправился в Грузию с проектом трактата. Генерал-поручик Потемкин снабдил его письмом к царю Ираклию, в котором просил прислать в Георгиевск не меньше двух полномочных и заготовить провиант для войск, назначенных к отправке в Грузию⁵. Он поручил Тамаре убедить царя поспешить с высылкой полномочных и не раздроблять своих владений разделом поровну между сыновьями.

¹ В секретном предписании от 6 сентября 1782 г. Госуд. арх. XXIII, V 13.

² Ираклий с восторгом принял эту награду и благодарил за нее Потемкина. «При вашем письме, – писал царь 18 мая, – получили мы такую радость, которую не ожидали. По посредству вашему от всемилостивейшей нашей государыни получили присланный орден для нашего сына. Хотя мы вам не наслужили, чтобы вы оказывали нам такую дружбу, однако же постараемся, конечно, за все вами оказанное приятство отслужить. Как из меньших наших сынов был старше Юлой, то рассудили оную ленту надеть на него».

³ Ордер генерал-поручику Потемкину 3 апреля 1783 г., № 106. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 45.

⁴ То же от 3 апреля. № 103. Там же.

⁵ Письмо П.С. Потемкина Ираклию от 9 мая 1783 г.

Принимая Грузию под свое покровительство на вечные времена, русское правительство, конечно, не могло допустить раздробления владений между лицами, редко единомысленными, а потому, писал П.С. Потемкин подполковнику Тамаре⁶: «Рекомендую, объясняясь с царем Ираклием о содержании трактата, упомянуть, – если подлинно сие есть его намерение, – что слава его дел, его имени и польза его народа требуют того, чтоб область его соединенною навсегда осталась. Прямое сведение ваше по сей статье и обстоятельства откроют, должно ли будет при заключении трактата составить о сем сепаратный артикул».

Тамаре нетрудно было убедить в этом Ираклия, гораздо труднее было убедить его поскорее назначить полномочных и отправить их в Георгиевск. Преданность самого Ираклия России была безгранична, на все предложения с нашей стороны он отвечал безусловным согласием и только часто повторял свое желание видеть как можно скорее русские войска в Грузии. Царь надеялся, что в середине июня они будут уже в его владениях и, не подписав еще трактата, хотел торжественно праздновать в Тифлисе свое вступление под покровительство России. Хотя такая торопливость была обусловлена политическими причинами, ибо царь хотел этим торжеством показать Персии, что имеет могущественного союзника, тем не менее генерал-поручик Потемкин вынужден был удержать Ираклия от излишней поспешности. Он писал царю, что прибытие войск в Грузию может произойти не раньше того, как будет подписан трактат, и просил Ираклия, отложив торжество до окончания переговоров, поторопиться с посылкой полномочных⁷. Подполковник Тамара настаивал на том же, но Ираклий в деле назначения полномочных был до крайности нерешителен и медлил до невозможности. Причиной тому было совершенное незнание царем и его окружением обрядов и условий, которые обычно соблюдаются европейскими дворами при заключении государственных договоров. Тамаре пришлось самому составить от имени царя полномочие, по нескольку раз объяснить каждое слово, в нем написанное, как самому царю, так и его советникам. Врожденная недоверчивость Ираклия к своим подданным, свойственная всем азиатским владыкам, имела место в Грузии и была второй причиной медлительности в назначении полномочных. Ираклий не только не доверял помощникам по управлению, но не верил и своим ближайшим родственникам, так что долгое время не мог определиться в выборе доверенных лиц, «у которых, доносил Тамара⁸, хотя для одной наружной формы в сем случае посылаемых, ищет прежде отгадать мысли для того, что боится речей, кои, считает, уже неоднократно ему повредили». Царь назначал то одного, то другого, менял, снова назначал и тем затягивал дело. Имея поручение от князя Потемкина съездить в Имеретию для заверения царя Соломона в расположении к нему русского правительства и доставить письмо светлейшего князя⁹, подполковник Тамара решил отправиться в Кутаис, не ожидая окончательного решения Ираклия. Он сумел только заручиться обещанием, что за время, которое он потратит на поездку и возвращение из Имеретин, Ираклий непременно назначит полномочных и приготовит все необходимое для их отъезда, чтобы они могли вместе с Тамарой отправиться на линию.

Путешествие в Имеретию продолжалось гораздо дольше предполагаемого. Страшная распутица от непрерывных сильных дождей и болезнь некоторых лиц, сопровождавших подполковника Тамару, задержали наше посольство в пути, заставили ехать медленно и все-таки оставить по дороге нескольких больных. В Кутаис Тамара прибыл 5 июня, а на третий день после его приезда заболел царь Соломон, так что Тамара вынужден был провести там девять дней и смог отправиться назад только 14-го числа.

⁶ В ордере от 9 мая. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 45.

⁷ Ордер генерал-поручика Потемкина Тамаре от 4 июня и письмо его царю Ираклию от 7 июня 1783 г.

⁸ Генерал-поручику Потемкину. 27 мая 1783 г.

⁹ Имеретинский царь Соломон просил императрицу защитить его от турок, которые, по его словам, прислали своих чиновников для осмотра границ Имеретин и устройства там крепостей. См. письмо астраханского губернатора П.С. Потемкину от 11 октября 1782 г. Госуд. арх. XXIII, № 13.

По возвращении в Тифлис он узнал, что полномочными назначены князь Отий Андроников и князь Сулхан Туманов, но утром 24 июня царь прислал сказать, что он изменил свой выбор и окончательно назначает первым полномочным своего зятя, главного советника в делах провинции Эриванской и генерала войск от левой руки князя Ивана Константиновича Багратиона, а вторым – своего генерал-адъютанта и начальника Казахской провинции князя Герсевана Ревазовича Чавчавадзе, ассистентом при них назначен архимандрит Гаиос, знавший русский язык, один секретарь посольства и человек двадцать свиты. Ираклий обещал снабдить посылаемых особ полномочием, в силу которого каждый из них по какому-либо непредвидимому случаю мог подписать трактат без своего товарища¹⁰.

Отправляя князей Багратиона и Чавчавадзе в Георгиевск, царь поручил им передать генерал-поручику Потемкину свое желание с ним встретиться хотя бы на середине пути в Кавказских горах, там, где разрабатывалась дорога нашими рабочими. Предложение было обусловлено как желанием лично познакомиться с пограничным русским начальником, так и недоверием к полномочным и опасением, как бы не было пропущено что-либо в трактате. Ниже мы увидим, что желание Ираклия и в этом случае было удовлетворено в гораздо большей степени, чем он мог ожидать. После подписания трактата Потемкин посетил его в Тифлисе и имел случай познакомиться со всеми членами грузинского царского дома. Теперь же был послан в Грузию в качестве посредника в сношениях царя с русским правительством полковник Бурнашев, к которому Ираклий мог обращаться со всеми своими просьбами и желаниями.

Полковник Бурнашев был отправлен в Тифлис почти одновременно с подполковником Тамарой. Назначая его состоять при Ираклии, Потемкин поставил Бурнашеву как обязательное условие ближе познакомиться как с внутренним состоянием Грузии и Имеретин, так и с политическим положением их относительно соседей. Бурнашев должен был осмотреть границы обоих владений, составить как можно более верную карту и описание Грузии и Имеретии и определить наиболее важные пункты в стратегическом отношении, чтобы впоследствии можно было на указанных им местах построить ряд укреплений для обороны страны от вторжения неприятеля. Не придавая им характера обширных построек, Потемкин поручил Бурнашеву проектировать укрепления небольшие, но достаточно сильные для отражения нападений соседей¹¹.

Совместные и единодушные действия царей Грузии и Имеретии против общего врага, конечно, могли бы значительно облегчить защиту их владений, но взаимная вражда, возникшая из-за фамильных интересов, не допускала единодушия. Полковник Бурнашев, как посредник между русским правительством и обоими царями, одинаково преданными России и стремившимися к одной и той же цели, должен был принять меры к примирению и восстановлению между ними дружественных отношений.

В конце мая полковник Бурнашев в сопровождении доктора и переводчика отправился в Грузию, имея при себе двадцать два казака, назначенных для постоянного пребывания с ним в Тифлисе¹². Ираклий II принял его весьма ласково и объявил, что без его согласия и одобрения не будет иметь никаких сношений и переписки с соседними владыками¹³.

Вскоре после прибытия Бурнашева в Тифлис уполномоченные вместе с подполковником Тамарой отправились в Георгиевск. Приняв безусловно все параграфы трактата, они просили только оставить царю титул *умаглесо* – «высочества», который давался ему во всей Азии, оставить за царями право при вступлении на престол короноваться, образовать в Грузии отдельную

¹⁰ Рапорт Тамары генералу Потемкину 21 июня 1783 г.

¹¹ Полковник Бурнашев находил необходимым построить два укрепления: одно в Имеретии по дороге в Ахалцих на речке Цхенис-Цхали у замка Богдада, а другое в Грузии на реке Алазань при урочище Кумбат. Представленные им проект и смета оставлены, однако же, Потемкиным без исполнения.

¹² Ордер П.С. Потемкина полковнику Бурнашеву 21 июня 1783 г. Госуд. арх., XXIII, № 13, карт. 45.

¹³ Рапорт Бурнашева генералу Потемкину 16 мая. Там же.

епархию, позволить им иметь собственную монету и немедленно ввести в их отечество два батальона русских войск¹⁴. Генерал-поручик Потемкин обещал ходатайствовать об удовлетворении просьб полномочных и тем устранил все недоразумения.

24 июля 1783 года трактат был подписан. Грузинский царь, прекращая сношения с Персией и вассальную зависимость от нее, обязался за себя и своих преемников не признавать над собой иной державной власти, кроме власти русских императоров. Он обещал содействовать пользе Русского государства во всех случаях, когда от него потребуются такое содействие. Ираклий II обязывался без предварительного сношения с русским пограничным начальством и без совета с аккредитованным при нем русским министром не вступать ни в какие сношения с окрестными владыками, не принимать их посланных или писем и не давать обещаний и даже ответов. Он должен был выполнять все требования пограничных начальников и охранять в своих владениях русских подданных от любых обид и притеснений.

С своей стороны императрица, ручаясь за сохранение целостности владений царя Ираклия II, обещала распространить это ручательство и на владения, которые со временем будут им приобретены и прочным образом утверждены. Императрица обещала сохранить престол наследственным в роде Ираклия с условием, чтобы его преемники, вступая на царство, сразу же извещали русское правительство, испрашивали утверждения русских императоров и, по получении разрешения и знаков инвеституры¹⁵, присягали на верность.

Обещая защищать Грузию от любых неприятельских покушений и считать ее врагов за своих собственных, императрица предоставляла грузинским подданным равные с русскими права и преимущества относительно торговли, возможности селиться в России, въезжать в нее и возвращаться. Она обещала не вмешиваться во внутреннее управление страны, предоставить царю суд, расправу и сбор податей в его пользу. Для удобства взаимных контактов русское правительство постановило иметь при Ираклии II своего министра или резидента, точно так же как принять и его резидента или министра наравне с министрами прочих владетельных князей. Относительно духовных дел положено образовать в Грузии отдельную епархию, чтобы католикос, или начальствующий архиепископ Грузинский, имея навсегда титул члена Св. синода, занял место среди русских архиереев в 8-й степени, а именно после Тобольского¹⁶.

Для защиты страны от внешних врагов хотя и постановлено было особыми секретными статьями содержать в Грузии на местном продовольствии два полных батальона русских войск с четырьмя орудиями полковой артиллерии, но Ираклию для получения большей самостоятельности был дан совет сохранять дружбу и поддерживать постоянную связь с имеретинским царем Соломоном и прочим христианским населением Закавказья. Пребывая в союзе и согласии, христианское население при единодушии в действиях могло оказать довольно сильное сопротивление всем покушениям на их свободу, покой и благоденствие. Поэтому при заключении договора русское правительство настаивало, чтобы Ираклий устранил все недоразумения между собой и имеретинским царем Соломоном, чтобы он помирился с ним и действовал единодушно. Царь обещал исполнить требование и дал слово в будущем любые недоразумения оставлять на решение императрицы.

Со своей стороны русское правительство для обеспечения независимости и самостоятельности Грузии обещало не ограничивать помощи только двумя батальонами, но увеличивать число войск по мере надобности и по взаимному согласию царя с пограничным русским начальником. «Ее императорское величество, – говорится в трактате¹⁷, – обещает в случае войны употребить все возможное старание пособием оружия, а в случае мира настоянием о

¹⁴ См. параграф 4 секр. условий. Воен. – уч. арх., отд. I, дело № 183.

¹⁵ Инвеституру составляли грамота, знамя с российским гербом, имеющим внутри себя герб царств Карталинского и Кахетинского, сабля, повелительный жезл и мантия или епанча горностаевая.

¹⁶ Поли. соб. закон. Т. XXI, № 15, 835.

¹⁷ См. параграф 4 секретных условий. Военно-учен. арх., отд. I, дело № 183.

возвращении земель и мест, издавна к царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежавших, кои и останутся во владении царей тамошних, на основании трактата о покровительстве и верховной власти Всероссийских императоров над ними заключенного».

Подписанный уполномоченными трактат о подданстве Грузии достиг Петербурга 17 августа. «Вчерашний день, – писала императрица князю Потемкину¹⁸, – я письмо твое от 5-го сего месяца получила чрез полковника Тамару, который привез и грузинское дело, за которое снова тебе же спасибо. Прямо ты – друг мой сердечный! *Voila bien des choses de laites en peu de temps*. На зависть Европы я весьма спокойно смотрю, пусть балагурят, а мы дело делаем. По представлениям твоим дела не будут залеживаться, изволь присылать».

Принимая известие о подписании трактата с удовольствием, равным «славе из того приобретенной и пользе несомненно ожидаемой», императрица пожаловала генерал-поручику Павлу Потемкину 6000 рублей и табакерку с портретом, а трудившимся с ним чиновникам – две тысячи рублей¹⁹.

Вместе с трактатом полковник Тамара представил и дополнительные просьбы грузинских уполномоченных, которые и удостоились высочайшего утверждения. Императрица оставила Ираклию II титул «высочества», пожаловала ему корону и особым параграфом трактата²⁰ предоставила право как Ираклию, так и его преемникам совершать обряд коронования и миропомазания²¹. Сверх того царям Грузии дозволено было бить собственную монету «с их изображением и на обороте гербом царства Карталинского и Кахетинского, над коим только изображен будет орел двуглавый в знак покровительства и верховной власти Всероссийских императоров над сими владетелями и их подданными»²².

В середине августа известие о подписании трактата достигло Тифлиса, и 20-го числа того же месяца грузины торжественно отпраздновали это событие²³. Всеобщая радость населения усиливалась вестью, что русские войска двинутся в Грузию в самое ближайшее время, как только будут готовы мосты на реке Терек и исправлена дорога.

Мы видели, что еще с мая дорога в Грузию приводилась в лучшее состояние. Вскоре после прибытия в Тифлис полковник Бурнашев доносил, что приступил к постройке мостов от Тифлиса до перевала на северный склон Кавказских гор и что, согласно договору, Ираклий обещал дать ему 1500 человек рабочих²⁴. Для устройства же дороги и мостов с нашей стороны был также отправлен в мае обер-квартирмейстер Фохт с 800 рабочими и с батальоном гренадер для их прикрытия. Исполнение этого поручения требовало немалых усилий, ибо тогдашняя дорога в Грузию была едва доступна для одиночных пешеходов. На протяжении 32 верст, от селения Балты до Казбека, Фохту пришлось построить 27 мостов для переправы войск. Несмотря на то что для устройства спусков приходилось взрывать каменные глыбы гор, что все мосты строились на сваях, Фохт успел к октябрю окончить свое трудное поручение столь успешно, что генерал Потемкин при осмотре этой дороги смог без затруднений проехать

¹⁸ В письме от 18 августа 1783 г. Письмо с купюрами напечатано в «Русской старине» 1876 г., № 5.

¹⁹ Рескрипт князю Потемкину. Архив кабинета его величества, св. 410.

²⁰ Утвержденным 8 сентября 1783 г. Поли. собр. зак. Т. XXI, № 15, 840.

²¹ Ираклий, не довольствуясь обещанием, данным полномочным генерал-поручиком Потемкиным, и опасаясь, что разрешение короноваться не будет вписано в трактат, вскоре после заключения договора отправил к князю Потемкину своего первого секретаря и любимца князя Сулхана Туманова. «Князь Туманов, – доносил Потемкин императрице 7 октября, – человек благоразумный, весьма хорошего просвещения и со многими дарованиями; нельзя, казалось, таковым себе представить жителя тифлисского. Виной сего послания – венчание царское, коего желает Ираклий и о котором возобновляет просьбы свои к престолу вашего императорского величества. Как уже есть на сие высочайшая ваша императорская воля, то и отправляю я его обратно в Грузию, подтверждая царю обнадежение о все милостивейшем благоволении». Несмотря, однако же, на желание Ираклия сохранить за собой и потомством право венчания, сам он умер, не будучи коронован.

²² Поли. собр. зак. XXI, № 15, 841.

²³ Рапорт генерала Потемкина князю Потемкину, 6 сентября. Госуд. арх. XXII, № 13, карт. 45.

²⁴ Рапорт полковника Бурнашева генералу Потемкину, 11 июля. Там же.

в коляске, запряженной восемью лошадьми, и в таком месте, «где человек не мог один проходить без ежеминутной опасности низвергнуться в пропасть»²⁵.

Найдя путь вполне удовлетворительным, Потемкин тотчас же отправил в Грузию два егерских батальона, Горский и Белорусский, с двумя единорогами и двумя пушками. 3 ноября батальоны прибыли в Тифлис, где были встречены огромной толпой народа и поступили в распоряжение Ираклия и под начальство полковника Бурнашева. Грузины праздновали этот день с особенным увлечением, и Тифлис был иллюминирован, несмотря на небывалый холод, ознаменовавший вступление русских в Грузию. «Русские принесли нам зиму», – говорили жители Тифлиса, отогревавшиеся в своих саклях у мангалов.

Как бы в подтверждение их слов, в ночь с 24 на 25 декабря и все 26-е число шел такой снег, что в Тифлисе выпало его на полтора аршина, и при узости городских улиц в течение нескольких дней почти не было прохода. До половины января 1784 года тифлисцы, к своему крайнему огорчению, вынуждены были или сидеть дома, или путешествовать по улицам не иначе, как верхом, тогда как происходящие события манили на улицу, чтоб узнать новости и принять участие в предстоящем новом торжестве и праздниках²⁶.

Еще в начале января, вскоре после рождественских праздников, в городе ходили слухи, что полковник Тамара отправлен в Грузию с высочайшими милостями и подарками, что он везет ратификацию императрицы на подписанный трактат и знаки инвеституры. Принимая Грузию под покровительство, императрица желала ознаменовать это событие многими милостями, как членам царского дома, так и тем, кто непосредственно участвовал в подписании трактата. «Что принадлежит до подарков, – писал князь Потемкин генерал-майору Безбородко, – то сверх назначенных послам со свитами и контрассигнировавшим полную мочь царскую, не излишним я считаю некоторые награждения и первейшим в царстве людям. Как католикос имеет камилавку с крестом, то и может ему таковой крест быть пожалован с камнями. В бытность еще в Петербурге докладывал я ее императорскому величеству о готовящемся к сей степени сыне Ираклиеве (Антонии), который и носит уже сан диаконский²⁷; не угодно ли будет повелеть сделать ему в Москве посвящение в епископы и в таком случае богатый крест и панагия весьма важным будут ему даром. Для царицы нет лучшего подарка, как орден Св. Екатерины; для прочих же дому царского – вещи с бриллиантами».

Мнение князя Потемкина было одобрено императрицей, и полковник Тамара отправился в Грузию с несколькими тюками подарков. 2 января он выехал из Моздока и в шесть переходов достиг подошвы снеговых гор. Перевалив на противоположную сторону Кавказского хребта, он нашел дороги в Закавказье покрытыми столь необыкновенным количеством снега, что продвигался весьма медленно, несмотря на все усилия присланных ему навстречу князей и дворян. Последние, желая ускорить путешествие, разбирали вещи Тамары и в трудных местах перевозили их на своих лошадях²⁸. Наконец, 17 января 1784 года в Тифлисе узнали, что царь Ираклий, получив известие о приближении полковника Тамары, отправил к нему навстречу князя Ивана Константиновича Багратиона с некоторыми лицами из числа своих придворных и что они, встретив посланного, проводили его инкогнито в город²⁹.

Тамара действительно в этот день приехал в Тифлис³⁰, а на следующий имел частную аудиенцию у Ираклия. Он передал ему письмо князя Потемкина и договорился относительно

²⁵ Рапорт П.С. Потемкина князю Потемкину 7 сентября. Это был первый путь в Грузию, проложенный трудами 1500 человек русских солдат, в течение трех месяцев, и ничего не стоивший, кроме нескольких лишних мясных и винных порций.

²⁶ Рапорт Бурнашева П.С. Потемкину 16 января 1784 г. Госуд. арх. XXII, № 13, карт. 47.

²⁷ Когда князь Потемкин писал это письмо, царевич имел уже сан архимандрита.

²⁸ Рапорт Тамары генералу Потемкину 30 января 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

²⁹ За отсутствием вне столицы домов, сколько-нибудь удобных для размещения, полковник Тамара был препровожден в Тифлис без официальной встречи.

³⁰ Бутков в своем сочинении (ч. II, 129) говорит, что ратификация трактата и знаки инвеституры были доставлены в

предстоящих церемоний. Для торжественного вступления русского посланного в столицу Грузии было избрано 22 января, и накануне царь разослал по городу своих герольдов, одетых в панцири «по образцу древних персидских воинов», на лучших лошадях с богатым убором. В сопровождении хора музыкантов и значительного числа дворян герольды, проезжая по главным улицам Тифлиса, возвещали народу о предстоящем торжестве.

С рассветом 22 января сто один выстрел из русских орудий дал знать о начале церемонии, и площади Тифлиса заполнились народом. При тесноте улиц, покрытых к тому же глубоким снегом, церемониальный кортеж мог следовать только по главнейшим, и потому для сбора участников церемонии был избран дом полковника Бурнашева, как представлявший большие удобства и расположенный в лучшей части города. Отсюда собравшиеся направились к царскому дворцу по улицам, по обеим сторонам которых стояли вооруженные жители Тифлиса.

Впереди ехали герольды, а за ними конный конвой из грузин при младшем церемониймейстере и царском генерал-казначее. Позади следовали два взвода русских войск, а за ними 24 человека придворных дворян, предводительствуемых старшим церемониймейстером и первым царским секретарем князем Бегтабеговым.

За придворными ехал верхом подполковник Мерлин, а за ним следовали обер-офицеры, несшие по порядку знамя, саблю, царскую мантию, скипетр, корону и грамоту. По обеим сторонам регалий следовали придворные дворяне. За грамотой шел полковник Тамара, по бокам от него обер-штальмейстер князь Абашидзе и царский генерал-адъютант князь Баратов. Процессию замыкали два взвода егерей и конный грузинский конвой.

Приближаясь к царскому дворцу, кортеж был встречен музыкой находившихся в строю русских батальонов, «а при царском дворе – трубным гласом, бубнами и других музык звуками». При вратах царского двора процессия была встречена полковником Бурнашевым и царевичем Мирианом, а у крыльца, на лестнице и при входе в зал – первейшими царскими чиновниками.

В аудиенц-зале был поставлен трон с присланным от русского двора богатым балдахином. Перед троном стоял царь, по бокам от него царевичи, царские внуки, католикос, архиереи, министры и многочисленная свита из знатных особ. Полковник Тамара после приветствия его высочества передал ему поочередно все регалии и грамоту.

Царь принимал их, стоя у ступеней трона. Знамя и саблю он вручил старшим из княжеских фамилий, имеющим древнее право носить их за царями; мантию приняли придворные чиновники; корону и скипетр царь приказал держать на подушках близ себя, а грамоту чрез старшего царевича передал князьям Орбелиани и Багратиону. Передача последней сопровождалась сто одним пушечным выстрелом. По получении грамоты и по окончании речи полковника Тамары, в которой он удостоверил Ираклия в желании императрицы оказывать покровительство Грузии, царь взошел на трон, на ступенях которого поставил семь своих сыновей и двух внуков.

«Все сие, – доносил полковник Тамара³¹, – в самом действии представлено им с такою важностью и изображением, как бы окончил он у ступеней престола прошедшие времена земли своей и дал начало новым».

Ираклий высказал Тамаре самую глубокую благодарность императрице за ее милости и потом принимал поздравления от присутствующих, причем все подданные царя целовали его руку³².

Торжество закончилось во дворце роскошным обедом, на который приглашены были все офицеры двух русских батальонов. Многочисленные тосты, музыка и орудийные выстрелы

Грузию в ноябре 1783 г., но это неверно.

³¹ Генералу Потемкину от 30 января 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

³² Описание торжества и пр. Бурнашева. Там же.

сопровождали пиршество. В течение целого дня в городе был колокольный звон, а вечером и всю ночь улицы Тифлиса были иллюминированы.

На следующий день движение русских войск к царскому дворцу привлекло новые толпы любопытных.

В десятом часу утра полковники Бурнашев и Тамара отправились во дворец и, войдя в зал, нашли там царя, окруженного членами царского дома, министрами и прочими знатными особами. По прибытии представителей русской власти царь отправился в соборную церковь для принесения присяги.

Взойдя на трон, поставленный посреди церкви, Ираклий надел царскую мантию, по бокам от него расположились лица, державшие остальные регалии, на ступенях трона стали царевичи и их дети. Перед тронном и несколько правее на столе, покрытом золотым глазетом, лежала ратификация императрицы, а левее, на столе, покрытом бархатом, ратификация Ираклия II.

Католикос совершал богослужение. Во время литургии при первом возгласении имени русской императрицы во всех церквях Тифлиса раздался колокольный звон, а по окончании молебна Ираклий подписал ратификацию и приступил к присяге. Перед тронном были поставлены Крест и Евангелие, по правую руку от царя встал полковник Бурнашев, по левую – полковник Тамара, и обряд начался.

«Аз, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым Его Евангелием в том, что хочу и должен ее императорскому величеству всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне императрице и самодержице Всероссийской Екатерине Алексеевне и ее любезнейшему сыну, пресветлейшему государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному Всероссийского императорского престола наследнику и всем высоким преемникам того престола верным, усердным и доброжелательным быть, признавая именем моим наследников и преемников моих и всех моих царств и областей на вечные времена, высочайшее покровительство и верховную власть ее императорского величества и ее высоких наследников надо мною и моими преемниками, царями Карталинскими и Кахетинскими. Вследствие того, отвергая всякое надо мною и владениями моими, под каким бы то титулом или предлогом ни было, господствование или власть других государей и держав и отрицаюсь от покровительства их, обязываюсь по чистой моей христианской совести неприятелей Российского государства почитать за своих собственных неприятелей, быть послушным и готовым во всяком случае, где на службу ее императорского величества и государства Всероссийского потребен буду, и в том во всем не щадить живота своего до последней капли крови. С военными и гражданскими ее величества начальниками и служителями обращаться в искреннем согласии; и ежели какое-либо предосудительное пользе и славе ее величества и ее империи дело или намерение узнаю, тотчас давать знать; одним словом, так поступать, как по единоверию моему с российскими народами и по обязанности моей в рассуждении покровительства и верховной власти ее императорского величества прилично и должно. В заключение сей моей клятвы целую Слово и Крест Спасителя моего. Аминь».

За присягой последовал обмен трактатов: полковник Тамара вручил царевичу Вахтангу трактат, ратифицированный императрицей, а царевич передал Тамаре трактат, подписанный Ираклием.

По возвращении из церкви царь вторично дал обед русским офицерам, и вечером весь город был иллюминирован. «При дворе царском, – доносил полковник Бурнашев, – была особливая иллюминация в лавках, украшенных парчами, разными персидскими и индийскими материями. Купцы тифлиские ужинали и забавлялись музыкой и танцами; на площади, наполненной множеством народа, играла во многих местах музыка; словом, весь народ старался изъяснять свою радость, происходящую от столь благополучной с ним перемены».

Так кончились эти два дня, ознаменованные многими милостями императрицы. Супруге Ираклия, царице Дарье, пожалован орден Св. Екатерины со звездой, украшенной драгоценными камнями³³, перстень в 5500 рублей и богатое платье, «которое как носить посылается кукла». Супруге старшего сына Ираклия царевича Георгия пожалованы бриллиантовые серьги в 3500 рублей. Так как два старших сына Ираклия царевичи Георгий и Юлой получили ордена еще до заключения трактата, третьему сыну царевичу Вахтангу был прислан тростяной набалдашник с бриллиантами. Четвертый по старшинству сын Ираклия царевич Антоний, принявший постриг всего двадцати лет от роду, призывался в Москву для посвящения в архиепископы³⁴. Самый младший брат, царевич Мириан семнадцати лет, произведен в полковники³⁵ и назначен командиром Кабардинского пехотного полка. Грузинский католикос Антоний получил бриллиантовый крест на клобук³⁶ в 2500 рублей, а царский генерал-адъютант князь Герсеван Чавчавадзе, принимавший деятельное участие в заключении договора, принят при петербургском дворе в качестве министра. Многие члены знатнейших грузинских фамилий также получили разные подарки, общая стоимость которых простиралась до 30 500 рублей³⁷.

По окончании торжеств Ираклий выразил желание ехать в Петербург и лично поблагодарить императрицу, но Екатерина II отклонила желание царя и посоветовала прислать в столицу его сыновей. 23 мая оба сына Ираклия в сопровождении князя Герсевана Чавчавадзе выехали в Россию³⁸. Побывав в Кременчуге у князя Потемкина, они в сентябре достигли Петербурга, где и были приняты императрицей. Князю Чавчавадзе, как прибывшему в качестве министра, была назначена особая аудиенция³⁹.

20 сентября по окончании церковной службы князь Чавчавадзе был введен в аудиенц-залу Зимнего дворца, где находились особы, имевшие вход во внутренние покои. Сделав три поклона, грузинский посол обратился к императрице с речью от имени Ираклия II: «Царь Карталинский и Кахетинский, удовлетворяя обязательствам своим и тому благоговению, которое он со всем его домом и со всеми народами, им обладаемыми, питает к верховной своей государыне и покровительнице церкви нашей православной, избрал меня быть свидетелем таковых чувств своих. Сугубое счастье мое, когда, быв одним из участников в постановлении торжественного договора, коим с утверждением зависимости отечества моего от империи Всероссийской утверждены навеки и наше благоденствие и безопасность, удостоиваюсь ныне в лице владетеля моего и всех сограждан наших приблизиться к священному престолу вашего императорского величества и пасть к стопам вашим».

«Ее императорскому величеству, – отвечал на это канцлер, – служит к особой угодности жертвоприношение царя Карталинского и Кахетинского и всех обладаемых им народов,

³³ Грамота императрицы царю Ираклию от 30 сентября 1783 г. Орден этот Ираклий сам возложил на нее в церкви, где царица Дарья была впервые с непокрытым лицом. В запас было послано еще три простых звезды и две ленты.

³⁴ «По воле его светлости, – писал Ираклий генералу Потемкину 26 января 1784 г., – ваше превосходительство изволите сообщать мне о сыне моем архимандрите Антонии, чтоб его отправить для посвящения в престольном граде в епископское достоинство. Сия новая благодать прилагается к числу многих щедрот всеавгустейшей государыни, и благоволение ее превыше всякой благодарности».

³⁵ Указ Военной коллегии 18 августа 1783 г. Арх. кабинета его императорского величества, св. 440.

³⁶ Письмо Антония генералу Потемкину от 31 января 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, папка 47. См. также указ кн. Потемкину 30 сентября 1783 г. Арх. кабинета его императорского величества, св. 440.

³⁷ Князьям Орбелиани и Челокаеву пожаловано по табакерке с бриллиантами, князю Бегтабекову – перстень бриллиантовый (см. Реестр подаркам. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 48).

³⁸ Отправляя своих детей, Ираклий писал императрице: «Всемилолюбившее покровительство, дарованное дому моему из призрения, простирается даже до того, что ваше императорское величество благоволили повелеть детям моим предстать пред высочайшим престолом вашего императорского величества. Почему всенижайше представляя их при сем как наипоследнейших рабов, желаю, дабы чрез верные и рабские свои услуги удостоились приобрести себе матернее милосердие вашего императорского величества и дабы я пребыл пренаисчастливейшим в настоящем моем состоянии» (Письмо Ираклия от 23 мая. Моек, арх. Министерства иностранных дел. Переписка владетельных особ с высочайшим двором, д. № 455).

³⁹ Письмо Безбородко канцлеру 18 сентября 1784 г. Моек, архив Министерства иностранных дел.

основывающееся на собственном их благоденствии. Ее величество, даровав его высочеству и подданным его свое покровительство и усынови их единожды под благословенный свой скипетр, не оставит, конечно, пещись всегда о постоянном их благосостоянии. Лицо изъяснителя пред ее престолом благоговения и усердия, питаемых царем Карталинским и его подданными, сугубо приятно ее величеству, потому что он сам был участником в постановлении торжественного договора, коим с утверждением зависимости отечества его от империи Всероссийской утверждено навеки благоденствие и безопасность его, посему он и может полагаться на особенное ее величества благоволение и милость».

Допущенный к руке императрицы, князь Чавчавадзе сделал три поклона и, не оборачиваясь, спиной вышел из залы. Этой аудиенцией закончился акт вступления Грузии под покровительство России.

Глава 2

Впечатление, которое произвело на закавказских владык поступление Грузии под покровительство России. Положение армян в Закавказье. Просьба их о защите от притеснений карабахского хана. Намерение князя Потемкина устроить будущее армян и образовать особое христианское государство по ту сторону Кавказских гор. Деятельность и участие в этом армянского архиепископа Иосифа. Переговоры с карабахским ханом

Через несколько дней после заключения договора князь Потемкин известил всех азербайджанских ханов и других соседних владык, что Грузия признала над собой верховное покровительство русской императрицы. Туземное население приняло это известие с большим волнением, еще более усилившимся, когда в Закавказье узнали, что русские исправляют дорогу в Грузию, строят мосты и даже двинули туда часть своих войск. Все соседние правители смотрели на Россию с крайним недоброжелательством и опасением. Поводом к этому были произошедшие в ближайшее время присоединение к России Крыма, Кубани и подчинение Грузии.

Опасаясь за свое будущее, ханы и владыки объяснили движение наших войск в Закавказье желанием русского правительства захватить часть владений, принадлежавших Персии и Турции. Все пограничные с Грузией правители, считавшие свое поведение небезгрешным относительно России, торопились принять меры против ее завоевательных намерений. После неоднократных взаимных совещаний одни решили с приближением русских войск защищаться до последнего, другие предпочитали оставить свои владения и спастись у соседей. Окружающие Фетх-Али-хана Дербентского уверяли его, что с прибытием русских войск в Грузию он будет непременно свергнут – «и будешь ты, говорили они, у русских свинопасом»⁴⁰.

Фетх-Али-хан боялся и высказывал намерение в крайнем случае бежать в Персию.

Больше других беспокоился Сулейман-паша Ахалцихский, часть владений которого входила некогда в состав Грузинского царства. Происходя из древнего рода князей Грузинских, Сулейман-паша считал себя наследственным владетелем Саатабого (Ахалциха) – древней провинции Грузии. Желая стать независимым от Порты и при тогдашней слабости турецкого правительства надеясь достичь этого, Сулейман неприязненно встретил известие о вступлении Грузии под покровительство России. При болтливости, свойственной всем азиатским народам, грузины не могли скрыть важнейших статей трактата, и Сулейман не без страха за свое будущее узнал о существовании второго параграфа секретного договора, в котором русская императрица не только ручалась за сохранение в целости нынешних владений царя Ираклия, но обещала распространить это ручательство и на все те владения, которые будут им приобретены впоследствии. Сулейман-паше так и казалось, что, включая этот параграф, русские имели в виду прежде всего овладеть Ахалцихским пашалыком и подчинить его власти грузинского царя. Естественно, что при таких настроениях Сулейман, едва получив известие о движении русских войск в Грузию, тотчас же отправил нарочного в Константинополь просить помощи Порты.

Посланный явился в резиденцию султана с донесением, что движение русских войск навело ужас на всю Анатолию и в Малой Азии убеждены, что русские намерены громить турок со стороны Грузии. Победы наших войск в Европейской и Азиатской Турции во время последних войн навели столь большой страх на жителей, что они с особым вниманием следили за всяким движением русских войск и часто придавали их перемещению преувеличенное значение. Паника охватывала население каждый раз, когда оно узнавало о появлении русских. Так,

⁴⁰ Секретное известие от 18 августа 1783 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт 45.

в июне 1783 года все поморские жители Трапезонда бежали в глубь страны от одного известия, что наш флот появился в виду берегов. Хотя впоследствии и оказалось, что то была стая плавающих птиц, но туземцы с трудом и неохотно возвращались в покинутые ими селения⁴¹. Ожидание скорого появления русских заставило всех жителей Эрзерума и его окрестностей переходить в укрепленные места и побудило Сулейман-пашу вторично просить Порту об оказании помощи.

«Царь Ираклий, – говорил посланный Сулеймана, – есть колеблющаяся скала, падения которой нужно опасаться. Он поддерживается русскими войсками, потому что ищет нашего разрушения, и если не будет помощи, то, без сомнения, мы погибли. Помогите нам...»

«Мы с Россией в мире, – отвечала Порта посланному, – но если вы заметите какие-либо неприязненные действия с ее стороны или встретите врагов, то должны обращать их в бегство».

Переход Грузии под покровительство России не был нарушением мирных договоров с Портой, ибо Грузия была независима от Турции. Не имея повода к открытому вмешательству в наши дела в Закавказье и сознавая свою слабость, турецкое правительство не отказывалось, однако же, от тайных действий и интриг. Официально отказав в помощи посланному ахалцихского паши, константинопольский двор втайне обнадеживал своей поддержкой не только Сулеймана, но и всех азербайджанских ханов. Эмиссары с султанскими фирманами рассыпались по Дагестану и Закавказью и приглашали всех соединиться воедино для защиты веры и на разорение Грузии. Порта советовала паше Ахалцихскому договориться с персидскими ханами и пригласить к себе лезгин, на содержание которых отправила ему пятьдесят мешков денег. Последний тотчас же послал нарочного ко властвовавшему тогда в Персии Али-Мурат-хану и разослал письма ко всем азербайджанским ханам и дагестанским правителям.

Призывая их к совместным действиям против общего врага, Сулейман просил вспомнить, что «всяк, кто в ревности своей ищет истреблять врагов, угоден Богу, а кто поразит единого из неверных, тот обрящет отпущение всех грехов, и вечный рай будет ему воздаянием»⁴².

«Со слезами молим вас, – писал паша в другом письме⁴³, – помогите нам, защитите нас. Примите меры опровергнуть неверных от пределов наших».

Сулейман просил лезгин прислать к нему до 3000 человек, обещая обеспечить их продовольствием и давать такое жалованье, какое сами назначат. Большинство лезгинских владык, не желая стеснять себя никакими обязательствами, отвечали уклончиво. Они говорили, что с русскими и грузинами согласны никогда не будут и что готовы служить султану, как своему единоверному государю, но только тогда, когда получают от него фактическую помощь. Видя, что переговоры с дагестанцами не приводят к желаемым результатам, и не надеясь на поддержку лезгин, Сулейман старался привлечь на свою сторону азербайджанских ханов. Он предлагал им воссоединиться, и тогда, говорил он, мы будем сильны, чтобы рассеять бурю, собирающуюся нас сокрушить.

«Проклятые русские, – писал Сулейман Ибраим-хану Шушинскому (Карабахскому)⁴⁴, – проложили путь через Кавказ, и дорога, ими сделанная, дозволяет везти не только нужные вещи, но и артиллерию и все, что к продовольствию потребно. Их войска вступают исподволь в Грузию, и в исходе лета все они соберутся с тем, чтобы впасть в Персию и в пределы оттоманские и поглотить нас, как быстрый летний поток поглощает все, где протечет».

Ахалцихский паша советовал Ибраиму оглянуться на свое положение, принять меры против неожиданного бедствия и стараться потушить огонь, по словам паши, готовящийся их пожрать.

⁴¹ Отношение генерал-поручика Потемкина полковнику Бурнашеву от 13 августа 1783 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 45.

⁴² Письмо Сулеймана уцмию Каракайдагскому. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

⁴³ К народам дагестанским. Там же.

⁴⁴ Госуд. арх. XIII, № 13, карт. 47.

Отправляя письмо шушинскому хану, Сулейман знал, куда следует направить удар. Ибраим-хан был самым заинтересованным в этом деле из всех. Большая часть его подданных были армяне, исповедовавшие христианскую религию, ненавидевшие хана и склонявшиеся в сторону России.

Подпав под власть ханов Шушинского (Карабахского) и Карадагского, армяне находились в крайнем порабощении и помимо личных оскорблений часто лишались материального благосостояния и даже жизни. Каждый армянин вынужден был тщательно скрывать свое имущество: если хан узнавал о нем, или отбирал силой, или умерщвлял армянина, чтобы завладеть его богатством. Так, в 1781 году Ибраим лишил жизни дизахского мелика Исаю и завладел его сокровищами, а через несколько месяцев поступил точно так же и с его наследником.

Устрашенные этим, остальные мелики заперлись в крепких местах и решили сопротивляться хану. Они искали защиты у Ираклия II, как союзника Ибраима и единственного сильного владыки в Закавказье. Не получив от него помощи, армяне отправили тайно своих депутатов в Россию, поручив умолять императрицу об освобождении их от несносного ига.

Представители армян были приняты в Петербурге с большим сочувствием и полной готовностью протянуть руку помощи угнетенному народу. Прошлый опыт подсказывал, однако же, нашему правительству, что одной перепиской с правителями невозможно избавить армян от бесчисленных притеснений, которым они подвергались, и что для их освобождения необходимо удалить мусульманских правителей и воссоединить все христианское население Закавказья. Такое воссоединение было возможно только при единодушии, достаточной доле мужества, энергии и самопожертвовании со стороны туземного населения. Насколько то и другое имело место среди армян, в Петербурге судить было трудно, и потому князь Потемкин, отправляя на линию своего брата, П.С. Потемкина, поручил ему ближе познакомиться с армянами, с их политическими настроениями, характером и материальными средствами.

Воспользовавшись постоянными контактами, которые находившийся в России армянский архиепископ Иосиф Аргутинский-Долгорукий поддерживал со своими соотечественниками, П.С. Потемкин обратился к нему, как к человеку, лучше других знакомому с положением дел и характером народа. Задавая Иосифу ряд вопросов, командовавший войсками на Моздокской линии писал ему, что желание получить ответы вызывается не простым любопытством, а политическими соображениями относительно той земли, «которая древностью столь знаменита и которая ныне представляет жалостное позорище, напоминающее человечеству тщетность вещей»⁴⁵.

«Земля великой Армении, – спрашивал П.С. Потемкин, – впад в руки нечистых по закону турок и персиян, чрез толико долговременную неволю сохраняет ли силу духа, нужную для свободной души? Порабощения и разные притеснения не истребили ли благородных в сердцах чувствований? Сила разума, закон и крепость веры толико ль действуют, чтобы внутреннее сердце расположение клонилось свергнуть иго, их угнетающее?»

Имея в виду, что главное занятие армян составляли торговля и промыслы, генерал-поручик Потемкин спрашивал: пожелают ли они нынешнее состояние поменять на лучшее будущее, «ибо генеральное примечание сделано, что все люди, кои обращаются в торговле, всякое другое чувствование заглушают, кроме жадности к корысти своей. Вера сильно и действует в армянском народе, и благочестие может ли быть поводом к побуждению народному? Сан патриарший в каком между ними почтении? Мелики сохраняют ли к священному чину должное благоговение, а народ к меликам повиновение и, наконец, какие средства угодить народу, присоединить верность меликов и привязать духовенство?».

Коснувшись политических особенностей армянского народа, нельзя было оставить без внимания и его соседей. «Я прошу ваше преосвященство, – писал П.С. Потемкин Иосифу, –

⁴⁵ Записка Потемкина архиепископу Иосифу от 21 декабря 1783 г., № 64.

заметить мне, как далеко простирается союз грузинского царя Ираклия с армянами и какую поверхность имеет он над теми ханами, кои прилежат к пределам его земель. Принадлежащая земля армянам ныне во владении кому принадлежит? Сколько меликов в Карабахской провинции и сколько можно полагать народу? Какие важнейшие места встретятся, если проходить через Тифлис, а равно с другой стороны, ежели бы путь взять от Дербента? Как далеко можно полагаться на услуги и обещания князей и владельцев и на народ тех мест, если бы туда идти следовало?»

Потемкин просил указать более укрепленные места, лежавшие на пути от Тифлиса к Эривани и из Дербента через Шемаху к Нахичевани. Он хотел получить сведения о характере правителей и естественных богатствах провинций, лежавших по ту сторону Кавказских гор. «Можно ли, – спрашивал П.С. Потемкин, – получить нам продовольствие для войск, хлеб, фураж и проч.? Какие есть реки судоходные, чрез кои можно бы было облегчить доставление провианта? В которой земле (провинции) более оного, в которой менее; в которых местах и какого рода хлеб, ибо сие есть основание дел: где войско сыто, там оно действительно. Горе тому начальнику, который о пропитании войск не помыслит».

Предложенные архиепископу вопросы скоро стали известны всем армянам и произвели на них самое радостное впечатление. В сборе сведений, притом весьма обширных, туземцы видели желание русского правительства восстановить древнюю Армению и навсегда избавить население от притеснений мусульман. В коллективном письме, подписанном двумя патриархами (Иоанном и Лукой), всеми меликами и другими знатнейшими лицами, армяне просили поспешить с прибытием для их избавления и обещали доставить русскому войску самое изобильное продовольствие, уверяли, что в их плодородном отечестве можно содержать в течение пяти лет до тридцати тысяч человек и более.

Князь Потемкин, принимавший живейшее участие в судьбе армянского народа, именем императрицы обнадежил армян и объявил депутатам, что в скором времени желания их будут исполнены.

«Шушинского (Карабахского) хана Ибраима свергнуть должно, – писал князь Таврический своему брату П.С. Потемкину⁴⁶, – ибо после сего Карабах составит армянскую независимую, кроме России, никому область. Вы тут употребите все старание, чтобы новая сия область устроилась наивыгоднейшим образом для народа; чрез сие и прочие сильные армянские провинции последуют их примеру».

Ибраим сам не считал своего положения прочным: из-за своего двуличия он не мог рассчитывать на расположение к себе петербургского двора. Хан то прикидывался искренно преданным России, писал льстивые письма нашим пограничным начальникам и высказывал желание перейти под покровительство императрицы, то вдруг изменял свое поведение, переходил на сторону наших противников, грабил и притеснял своих подданных-христиан. Таково было поведение хана, и неудивительно, что, когда он узнал о контактах армян с нашим правительством, опасаясь наказания за свои поступки, снова прикинулся преданным России. «Давно уже, – писал Ибраим, – имел я расположение быть верным и усердным рабом всемилостивейшего Всероссийского трона и царствующей с несметными щедротами императрицы. Не имея ни знакомых, ни малейшей связи, как мог я отважиться ступить на стези, ведущие к толикому блаженству? Ожидая от Провидения Всевышнего пристойного случая к изъявлению моей ревности, скорбел внутри души моей». Ибраиму было сообщено, что скорбь его и застенчивость были напрасны, ибо до сих пор никто из искавших покровительства России еще не был отвергнут императрицей и положение всех, прибегающих под ее защиту, обеспечивалось наилучшим образом.

⁴⁶ В ордере от 6 апреля 1783 г. Арх. Главы, штаба.

«Быть подвластным великой Екатерине, – говорил П.С. Потемкин карабахскому хану, – значит заимствовать сияние тех лучей, которые украшают ее священную корону. Подчинение ее скипетру не только не уменьшит, но утвердит ваше владычество, чему примером может служить Крымский Шагин-Гирей-хан, при помощи русского оружия два раза восстановленный владетелем».

Потемкин советовал Ибраиму поспешить изъявлением покорности и просить принять его под покровительство России. Хан отвечал, что он искренно желает такого покровительства и даже готов платить дань. Несмотря на предыдущие поступки правителя Карабаха, враждебные России, Екатерина II готова была согласиться на его просьбу. «Что касается до Ибраим-хана, – писала она князю Таврическому⁴⁷, – если в принятии его под российское покровительство не встретится никакого затруднения или сомнительства, кажется, можно взять за руководство то, что сделано с царем Ираклием, и в таком случае вы не оставите поручить генералу Потемкину заключить с ним договор о подчинении его российскому императорскому престолу и о признании им моей и преемников моих верховной власти над ним и его преемниками. Принятие на подобных условиях может служить доказательством кроткого здешнего обладания и побуждением для многих тамошних наших соседей подражать примеру сих двух владетелей».

Князь Потемкин, хорошо знакомый с характером Ибраим-хана, не веря в чистосердечность его намерений и готовность платить дань, поручил отвечать хану, что самая лучшая дань, которую предпочитает русская императрица, – это верность, и, если Ибраим сохранит ее и будет всегда исполнять высочайшие повеления, только тогда сможет надеяться, что будет принят в русское подданство⁴⁸.

Сухость ответа испугала Ибраима, и он торопился укрепить город Шушу и предохранить себя от нападений. Генерал-поручик Потемкин заявил хану, что укрепления его не грозны для русских войск, но двуличие хана будет неудобно для него самого, в особенности в том случае, если он не поспешит заявить о своей покорности⁴⁹. Карабахский хан предпочел, однако же, не возобновлять вопроса о подданстве и впоследствии перемену своего поведения объяснял обидой, нанесенной ему царем Ираклием при заключении трактата, не включившего вместе с Грузией и Карабах. Генерал Потемкин отвечал, что дело это легко исправить, если хан пришлет доверенное лицо для заключения желательного ему договора. Ибраим доверенных не присылал, и князь Таврический, не особенно желавший его подданства, был весьма рад такому стечению обстоятельств. Светлейший намеревался при удобном случае лишить Ибраима ханского достоинства и всю его область, населенную преимущественно армянами, передать в управление одному из наиболее уважаемых армянских меликов. «Чрез то, – писал он императрице⁵⁰, – возобновится в Азии христианское государство сходственно высочайшим вашего императорского величества обещаниям, данным чрез меня армянским меликам».

«Армян извольте, ваше превосходительство, ласкать, – писал вместе с тем князь Таврический своему брату П.С. Потемкину⁵¹, – и питать благое в них расположение к России, дабы иметь их всегда усердными и готовыми к совершению предприятий, которых обстоятельства и польза дел наших востребуют».

Обстоятельства эти клонились исключительно на пользу армянского народа и потому, естественно, возбуждали в населении всеобщее тяготение к России. Не только закавказские армяне, но и те, которые жили среди кумыков, кабардинцев и закубанских черкесов, хлопотали о воссоединении христианского населения. Они просили разрешения переселиться на линию

⁴⁷ В рескрипте от 5 мая 1783 г. Госуд. арх.

⁴⁸ Ордер князя Потемкина-Таврического генералу Потемкину от 19 мая 1783 г.

⁴⁹ Письмо П.С. Потемкина царю Ираклию от 28 июня 1783 г.

⁵⁰ От 19 мая 1783 г.

⁵¹ В ордере от 19 мая 1783 г. Госуд. арх. XXIII. № 13, карт. 45.

и основать особую армянскую колонию. Князь Потемкин, соглашаясь на эту просьбу, поручил генерал-поручику Потемкину избрать и назначить место для их поселения, которое и назвать именем св. Григория Армянского, патрона светлейшего. «От стечения туда народа, – говорил он, – и от распространения сего селения будет зависеть учреждение там города».

Между тем карабахские армяне, прождав весь 1783 год и испытывая притеснения хана, решились напомнить о себе вторично. Они отправили письмо архиепископу Иосифу, прося его ходатайства о скорейшем принятии их под покровительство России⁵². Армяне писали, что Ибраим-хан, узнав об их переписке с русским правительством, стал притеснять их еще больше, что их бедственное состояние послужило причиной, что они решились вместе с письмом отправить на Кавказскую линию к генерал-поручику Потемкину своего депутата с просьбой о защите и помощи. Армяне просили прислать им два полка, которые вкупе с двумя батальонами, находившимися в Грузии, и войсками самих армян были, по их мнению, достаточны для освобождения христиан от несносного магометанского ига, «ибо, – писали они⁵³, – ныне время, свободное ко всякому предприятию, потому что львы в норах почивают, равно и лисицы в полях без пристрастия (страха) прохлаждаются».

Депутат карабахских армян Даниил Авамесов уверял П.С. Потемкина, что при первом известии о движении русских войск армянские мелики соберут не менее пяти тысяч самых храбрых воинов, как пеших, так и конных, что они приложат силы для ниспровержения Ибраим-хана, некоторые родственники которого также солидарны с армянами; что русские могут при посылке своих войск не ограничивать их числа и быть уверенными, что, сколько бы их ни было прислано, все они найдут обильное продовольствие на неопределенное время. По словам Авамесова, у жителей скрыто в погребках множество хлеба и заготовлено значительное количество рыбы для русских войск⁵⁴. Архиепископ Иосиф подтверждал последние слова армянского депутата и вообще выказывал необыкновенную деятельность. Он нарочно отправился из Астрахани на Кавказскую линию, чтобы лично встретиться с П.С. Потемкиным, написал несколько писем князю Г.А. Потемкину и, наконец, просил позволения отправиться на шесть месяцев в Армению для свидания с патриархом и меликами. Иосиф мечтал не только о свержении мусульманского ига, но и о восстановлении падшей короны и умолял князя Потемкина подать руку помощи армянам. «Будьте, ваша светлость, – писал он⁵⁵, – виновником к избавлению их и запечатлению священнейшего портрета великой императрицы в самой нутри Арарата, в монумент всего света, да восклицают непрестанно все роды, что сей есть спаситель армянский, и прославят имя вашей светлости вовеки». Иосиф просил, чтобы в случае принятия Ибраим-хана Шушинского под покровительство России не подчинять ему армянских меликов. Просьба эта была, конечно, равносильна низложению Ибраима, так как большую часть населения Карабаха составляли армяне, подвластные меликам. Без подчинения их ханской власти Ибраим не согласился бы перейти под покровительство России. Армянский архиепископ знал это лучше других, но ведь он и добивался восстановления царства *Великой Армении!* Он рассчитывал на осуществление своих надежд тем паче, что армяне, жившие в Персии и даже Турции, стремясь к объединению и восстановлению своего отечества, искали содействия России. Так, в мае 1784 года в Тифлис прибыл депутат от ассирийских христиан, живших в Урумии. Сын мелика Саргошева Илия явился сначала к царю Ираклию, а потом к полковнику Бурнашеву с просьбой об освобождении его соотечественников от угнетения мусульман.

⁵² Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

⁵³ В письме генерал-поручику Потемкину от 30 мая 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

⁵⁴ Показания Даниила Авамесова. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

⁵⁵ В письме от 10 сентября 1784 г. Госуд. арх. XV, № 149.

По свидетельству Илии, в Урумии находилось до тысячи семей или до пяти тысяч ассирийских христиан несторианского закона и до двадцати тысяч семей жило в турецких владениях⁵⁶. Все они хотели выйти из-под власти мусульман, готовы были переселиться в Грузию, но переходить в Россию согласия не изъявляли⁵⁷.

Чтобы содействовать армянам в восстановлении их отечества, князь Потемкин предполагал отправить отряд русских войск из Кизляра и занять сначала Дербент с той целью, чтобы при начале военных действий за освобождение Армении город мог служить надежным убежищем для армян. Утвердившись в Дербенте, предполагалось действовать с двух сторон: один отряд двинуть вдоль морского берега до самого Гиляна, а другой направить со стороны Грузии. Генерал-поручику Потемкину были отпущены суммы на заготовку в Астрахани провианта на шесть тысяч человек и фуража на полторы тысячи лошадей. Доставку, как в Дербент, так и далее, предполагалось производить на судах Каспийской эскадры⁵⁸.

Предположениям этим, однако же, не суждено было осуществиться. Начавшиеся контакты с Али-Мурат-ханом Исхафанским, владевшим в то время большей частью Персии, давали князю Потемкину надежду окончить дело армян более легким способом, поход русских войск был отменен, но подготовка к нему не сохранилась в тайне и устрасила многих.

Больше других испугался, конечно, Ибраим-хан, получивший письмо Сулейман-паши Ахалцихского с извещением о вступлении части русских войск в Грузию и о скором прибытии новых. Не считая себя достаточно сильным, чтобы противиться России, Ибраим торопился обеспечить себя союзом с соседями. Придя к согласию с ханами Хойским, Шекинским и Бакинским, он заключил с ними договор действовать совместно и единодушно при всяком покушении России, на кого бы оно ни было совершено⁵⁹.

Союзники положили, однако, не обнаруживать своего соглашения и до времени оказывать России все внешние знаки доброжелательства. Они решили воспользоваться обстоятельствами и отправить в Тифлис своих посланных не столько с целью поздравить Ираклия с переходом под покровительство России, сколько разузнать о происходящем и заявить полковнику Бурнашеву о своей преданности императрице. Уверяя Ираклия в дружественном к нему расположении, Ибраим просил у него помощи против лезгин, разорявших его владения.

Пригласив к себе двенадцать тысяч лезгин для действий против ханов Нухинского и Дербентского и получив сведения о движении русских войск, Ибраим отложил свои завоевательные намерения и хотел распустить собранные войска, но лезгины требовали жалованья и отказывались уходить без него. Ибраиму заплатить было нечем, и лезгины, рассыпавшись по Карабаху, грабили жителей. Ираклий II не мог теперь удовлетворить просьбу своего прежнего союзника и советовал ему искать покровительства России. В январе 1784 года Ибраим отправил посланного на Кавказскую линию, прося принять его в подданство России, оставить его ханом и не вмешиваться во внутренние дела. На это князь Потемкин снова отвечал, что желательно было бы, чтобы хан в столь важном деле оставил всякое недоверие и положился на великодушные императрицы. Все еще опасаясь за свое будущее, Ибраим просил Ираклия, чтоб он поклялся ему в том, что если он перейдет в подданство России, то будет оставлен в ханстве, утвержден правителем на вечные времена и что никакая часть его владений ни под каким видом никуда не отойдет. Ибраим спрашивал, может ли он рассчитывать при этом, что его честь и достоинство не будут унижены. При посредстве полковника Бурнашева Ираклий отвечал хану, что, вступая под покровительство России, хан может ожидать только благополу-

⁵⁶ Рапорт Бурнашева генералу Потемкину от 26 мая № 46.

⁵⁷ Показание Ильи Саргошева на заданные вопросы 10 июня 1784 г.

⁵⁸ Ордер князя Таврического генералу Потемкину от 6 апреля. Арх. Главного штаба.

⁵⁹ Письмо армянского дьякона Василия Попова от 15 апреля. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 45.

чия, но во всем должен положиться на щедроты и великодушные императрицы, предавая себя в ее волю безо всяких условий и ограничений⁶⁰.

«Письмо ваше, – отвечал Ибраим Ираклию II⁶¹, – в коем меня извещаете о вашем благополучии и приказываете, дабы я послал моего чиновника к высочайшему двору русской государыни, мною получено.

Всему народу уже известно, что прежде весь свет погибнет и день днем не будет, нежели между нами братская любовь и дружеский союз прекратиться могут. Вы находитесь под покровительством высочайшего двора и оному верность оказываете. Я равно готов с Божиего помощью отдать свою голову в число тех, кои верны высочайшему и с небесами равному двору российской государыни и со временем человека пошлю».

Хотя в июле 1784 года Ибраим-хан и отправил своего посланного в Россию с просьбой о подданстве⁶², но переговоры с ним по этому делу не привели ни к каким результатам.

⁶⁰ Рапорт Бурнашева Потемкину 12 мая и письмо Ираклия ему же от 13 мая. Госуд. арх. XXIII, № 135, карт. 47.

⁶¹ В письме, полученном 6 мая 1784 г.

⁶² Рапорт Бурнашева Потемкину 6 июля 1784 г. № 535.

Глава 3

Поездка П.С. Потемкина в Тифлис. Свидание его с царем Ираклием. Характеристика членов грузинского царского дома и их взаимные отношения. Беспорядки во внутреннем управлении Грузии. Плата лезгинам. Военное устройство грузин. Вторжение лезгин в Грузию и отражение их при помощи русских войск. Происшествие в Ганжинском ханстве

Обширные виды, которые имел князь Потемкин на Азербайджанский край, требовали, чтобы исполнители его предначертаний, генерал-поручик Потемкин и царь Ираклий, ближе познакомились друг с другом и при личном свидании утвердили между собой связь и дружбу. «Приобретя его доверенность, – писал светлейший брату, – несомненно вы управлять им будете». С этой целью П.С. Потемкину было приказано отправиться в Грузию и взглянуть на страну, избираемую театром всех будущих действий.

Мы видели, что Ираклий давно искал этого свидания и, когда узнал, что дела задерживают поездку Потемкина в Тифлис, хотел сам отправиться в Стефан-Цмиду, чтобы в случае необходимости ехать даже на Кавказскую линию. Готовность эта была отклонена из-за того, что поездка Потемкина в Грузию обуславливалась не только политическими нуждами царя, но изучением внутреннего состояния страны и сбором по возможности подробных сведений об окрестных правителях и их отношениях как к Грузии, так и к своим подданным.

В начале сентября генерал-поручик Потемкин в сопровождении генерал-майора Самойлова отправился в Грузию. Встреченный там всеобщим восторгом, он привез, однако же, неудовлетворительные сведения о стране и уехал с убеждением в совершенном расстройстве механизма управления. Сведения, доставленные ему полковником Бурнашевым и доктором Рейнегсом, и личные наблюдения убеждали в справедливости такого заключения.

Потемкин так описывал членов грузинского царского дома.

В лице царя Ираклия он встретил шестидесятидвухлетнего старца среднего роста, несколько согбенного, но бодрого. Ираклий еще сохранял пылкость характера и остроту взгляда, который устремлял исподлобья при всяком разговоре, делая это, по замечанию Потемкина, «может быть, для того, чтобы приметить движение лица того, с кем говорит». Человек умный и опытный, Ираклий был один из тех, кто может отвечать двусмысленно⁶³ и вполне усвоил все особенности азиатской политики. В молодости и в зрелые годы он был необыкновенно деятелен, вспыльчив, нетерпелив и сам занимался всеми делами государства. Любя свое отечество, он стремился к улучшению быта подданных и старался дать им европейское образование. Человек в высшей степени набожный, он не только не пропускал ни одной церковной службы, но сверх того ежедневно часа по два молился в своем кабинете, и никакое происшествие не могло прервать его молитвы.

Удрученный годами и ощущая бремя в правлении, года за четыре до приезда П.С. Потемкина в Тифлис Ираклий стал вводить в дела свою супругу царицу Дарью, женщину с трезвым умом, но хитрую и суровую. Происходя из рода князей Тархановых, царица Дарья была третьей супругой Ираклия, ей было тогда около сорока пяти лет. До крайности властолюбивая, она, пользуясь расположением мужа и преклонностью его лет, мало-помалу забирала власть в свои руки, входила во все дела, участвовала в царских советах и, внушив Ираклию неограниченное доверие к себе, скоро сумела поставить себя так, что все делалось не иначе как с ее согласия. Слепое доверие царя, передача власти в руки жены имели впоследствии самое губительное влияние на судьбу Грузии. Они стали поводом к раздорам в царском семействе, едва

⁶³ Из ордера генерал-поручика Потемкина подпоручику Чорбе от 1 февраля 1788 г. Госуд. арх. XXIII, № 135, карт. 45.

не приведшим Грузию к гибели. Покровительствуя своим детям и ненавидя родившихся от прежних жен, Дарья была источником всех раздоров, неурядиц и многих бедствий в стране, достойной лучшей участи.

Происки царицы Дарьи были причиной, что Ираклий совершенно устранил от дел своего старшего сына царевича Георгия, родившегося от второго брака Ираклия с Анной, княжной Абашидзе, которому было тогда около тридцати пяти лет. Георгий был чрезвычайно тучен, несколько апатичен, но отнюдь не глуп. Он имел лицо доброе, душу откровенную и подобно отцу отличался набожностью, был сведущ в Священном Писании и постоянно окружен духовными. Георгий не искал военной славы, был миролюбив и склонен к благоустройству. Женатый на княжне Андронниковой, он имел четырех сыновей, из коих старший, Давид, был любим Ираклием за остроту ума, находчивость, смелость, а впоследствии и за военные способности.

Второй сын Ираклия и первый от царицы Дарьи, царевич Юлой, пользовался ее особенным покровительством, но был скрытен, имел лицо притворное и, не отличаясь умом, любил пощеголять.

Царевича Вахтанга, третьего сына Ираклия, в бытность Потемкина в Тифлисе там не было. Он отправился в Имеретию сочетаться браком с княжной Цилукидзе. Остальные дети Ираклия были несовершеннолетние.

За недолгое пребывание в Грузии генерал-поручик Потемкин вынес убеждение, что все члены царского дома «привязаны к России, все учатся русской грамоте и несколько уже объясняться могут».

«Двор царский, – доносил он⁶⁴, – в рассуждении положения земли не без великолепия, по обычаю персиян. Чиновладельцы, яко все азиятцы, горды и низки, взирая с кем имеют дело; раболепны пред царем и худо исполняют его повеления. Неустройство в управлении велико; все доходы и расходы царства на откуп. Бояре обкрадывают царя; народ низкий утеснен».

Что касается соседних ханов, то с переходом Грузии под покровительство России все оказались союзниками ей, все прислали в Тифлис своих представителей, чтобы поздравить Ираклия с произошедшим событием. Ханы Хойский и Шекинский клялись в преданности России, причем последний просил Ираклия в знак союза и дружбы разрешить ему вывоз хлеба из Грузии, так как его подданные крайне нуждались в этом. Ираклий II не отказал в просьбе, но, чтобы придать себе большее значение в глазах хана⁶⁵, объявил его посланному, что многого дать не может, ибо заготавливает продовольствие для русских войск, которые скоро вступят в Грузию.

Хойский Ахмет-хан искал покровительства России, и в июле 1784 года князь Потемкин писал хану, что если он по примеру шамхала Тарковского пришлет письменное прошение, то будет принят под защиту России, утвержден в ханском достоинстве и получит многие милости от императрицы⁶⁶. Вмешательство Порты и ее тайные происки отклонили хана от преданности к России. Зная, что из-за предприимчивости и богатства Ахмет-хан пользуется большим уважением во всем Азербайджане, Порта пожаловала ему титул сераскира и передала в управление часть Азербайджана⁶⁷. Надеясь сделаться независимым от властителей Персии, Ахмет-хан прервал переговоры о покровительстве России.

Ближайшие соседи Грузии ханы Эриванский и Ганжинский считались зависимыми от царя Ираклия. Когда в конце 1783 года скончался Хусейн-Али-хан Эриванский, жители ханства отправили в Тифлис армянского архиерея, двух сыновей хана и нескольких знатных лиц с

⁶⁴ В рапорте князю Потемкину-Таврическому от 10 октября. № 461.

⁶⁵ «Азиатские народы, – писал Ираклий в одном из писем Потемкину, – не прилагают проницания о прямой важности и величестве, а ограничивают свое заключение по единому только зрению, какое представляется, всякое великолеpie, поражающее их очи, подчиняет и их сердца».

⁶⁶ Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 48. Арх. кабинета его величества, ев. 441.

⁶⁷ Рапорт генерала Потемкина князю Потемкину от 10 октября, № 461. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

просьбой утвердить на ханстве старшего сына умершего. Царь утвердил этот выбор и по обычаю послал подарки вновь избранному Хусейн-Али-Гулам-Али-хану⁶⁸.

Ганжинское ханство не имело тогда хана, который был ослеплен и находился в заточении у Ибраим-хана Шушинского. Зверские поступки Мегмет-хана Ганжинского со своими подданными и неисполнение данных им обязательств заставили царя Ираклия и Ибраим-хана Шушинского, соединившись, двинуться в Ганжу и силой принудить хана признать над собою власть царя Грузии. Мегмет хотел сопротивляться, но был взят в плен, ослеплен и брошен в заточение. Ганжа поступила в управление союзников, имевших там своих представителей или губернаторов. Совместное управление шло удовлетворительно, но, когда Ираклий стал искать покровительства России, шушинский Ибраим-хан начал склонять ганжинских жителей на свою сторону. Он образовал несколько партий, произвел волнение в народе, кончившееся, однако же, тем, что в конце 1788 года ганжинцы выгнали из города обоих правителей. Ираклий не хотел отказываться от обладания Ганжинским ханством и для подчинения его своей власти просил содействия русских войск. Князь Потемкин считал притязания Ираклия на Ганжу справедливыми и писал, что царь во всяком случае должен иметь преимущество пред шушинским Ибраим-ханом⁶⁹.

Во время пребывания генерал-поручика Потемкина в Тифлисе Ираклий просил его упрочить власть царя Грузии в Ганже и Эривани, вытребовать от Порты повеление пашам Ахалцихскому и Карсскому, чтоб они не держали лезгин и не совершали разбойных вторжений в Грузию.

Хотя ближайший и довольно сильный в Дагестане лезгинский правитель Омар-хан Аварский и прислал своего посланного в Тифлис поздравить Ираклия и узнать о его благополучии и посланный хана уверял полковника Бурнашева, что Омар готов пожертвовать для России собственными интересами, в действительности это был один из самых враждебных и недоброжелательных владык. На требование генерала Потемкина прекратить вторжения в Грузию Омар отвечал, что лезгины вообще жадны до денег и добычи, а он человек бедный, не имеет, чем платить им, и потому не может удержать от грабежей и хищничества. Охотник до всякого рода поборов и подарков, аварский хан рассчитывал, что русское правительство назначит ему жалованье, лишь бы прекратить хищничество, но в Дагестане было много вольных общин, не зависящих от аварского хана, следовательно, жалованье ему было бы напрасною тратой денег. Не получив желаемого, Омар-хан сбросил личину и, как увидим ниже, стал действовать враждебно.

Из прочих владык Дагестана шамхал Тарковский и уцмий Каракайдагский были действительно нам преданы и искали покровительства.

Муртаза-Алий шамхал Тарковский еще в январе 1784 года отправил прошение на высочайшее имя, в котором просил принять его со всеми подвластными ему народами в подданство России. «Повелите, всемилостивейшая государыня, – писал он⁷⁰, – присоединить принадлежащие мне пределы к пространному своему государству и включить меня с народом, мне зависимым, в число своих верноподданных». Особым письмом Муртаза-Алий просил при заключении договора о подданстве подчинить ему ингушский народ, от него зависимый, на котором остались еще неуплаченные подати шамхалу.

Удовлетворяя желание Муртазы-Алия, императрица пожаловала ему шубу, саблю и в данной ему грамоте⁷¹ писала, что выработку окончательных условий подданства поручает генерал-фельдмаршалу князю Потемкину, как главному в том крае начальнику. Кончина шамхала

⁶⁸ Рапорт полковника Бурнашева генералу Потемкину 20 ноября. Там же, карт. 46.

⁶⁹ Ордер князя Потемкина генералу Потемкину 22 апреля 1784 г. Там же, карт. 47.

⁷⁰ Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 46.

⁷¹ От 27 февраля, ПСЗ. Т. XXII. № 15, 942.

на время прервала переговоры и стала причиной, почему шамхальство было принято в подданство России гораздо позже.

Второй правитель Дагестана, Амир-Хамза уцмий Каракайдагский, также писал, что повергает себя к подножию престола и «не соблазнят его в противную сторону ни деньги и никакое сокровище»⁷². Уцмий обещал не допускать своих подданных вторгаться в Грузию и действовать заодно с прочими лезгинскими общинами, отношения к которым царя Ираклия были странны и запутаны. Он делил все лезгинские селения на мирные и немирные. Первыми Ираклий считал тех, которым сам платил жалованье, обязывающее их не совершать набегов в Грузию, все же остальные аулы были в числе немирных. Таким образом, спокойствие Грузии зависело от количества отпускаемых царем денег, и лезгинское селение один год мирное, не получив жалованья, переходило на следующий год в число немирных. Случалось и несколько иначе: если селение получало жалованье, а глава его не получил особых подарков, то собирал себе партию и грабил грузин, не стесняясь.

Приученные к тому, что грузинский царь откупался от них подарками и деньгами, лезгины пользовались этим. Обычно за получением жалованья отправлялся старейшина и приводил с собой огромную толпу вооруженных, число которых доходило иногда до 600–700 человек. Все время пребывания в Тифлисе они вели себя весьма нагло и производили буйства, нередко оканчивавшиеся убийствами и грабежами. Царь не смел перечить незванным гостям, потому что находился в их руках и мог поплатиться за это жизнью или всем своим достоянием.

Пока эта толпа находилась в Грузии, царь обязан был кормить ее на свой счет. «Ежели у которого из них лошадь падет, – доносил полковник Бурнашев⁷³, – ружье или сабля испортится, царь за все платит. Когда ж военные их люди домой возвращаются, царь дает им подарки. Сверх того всегда у царя живут на царском содержании до 300 или 400 человек лезгин; ежели и те отъезжают, дает царь и им подарки».

Ежегодный расход на лезгин простирался до 50 000—60 000 рублей. Года за три до описываемого времени Ираклий потребовал от мирных лезгин вспомогательные войска и, когда они пришли, дал им кроме подарков в первый раз 100 000, в другой раз 110 000 рублей и сверх того некоторые взяли и платье.

Таковы были отношения грузинского царя с так называемыми жителями мирных селений, все же остальные жители гор относились к числу немирных и, собираясь небольшими партиями, совершали весьма частые вторжения в Грузию и разоряли население без всякой пощады. Почти все пограничные грузинские селения были опустошены и уничтожены, поля выжжены, а жители уведены в плен и томились в неволе. Страна с каждым годом разорялась все больше и больше, царь Ираклий не видел выхода и не знал, как помочь горю. С прибытием русских войск в Грузию Ираклий умолял полковника Бурнашева защитить страну от грабительских вторжений и откровенно признавался ему, что собственными силами сделать этого не может. «Никто не станет, конечно, упрекать грузинское дворянство в недостатке храбрости, но, – доносил полковник Бурнашев⁷⁴, – по безначалию их и беспорядку, а особливо в небытности царя и простые грузины худо слушаются своих начальников, а дворяне – никого. Сумнительно производить с ними дела, заблаговременно распоряженные, да и в самом сражении ожидать точного исполнения приказов невозможно. Для преподания им образца порядка и послушания небесполезно бы было видеть им пред собою, как в обыкновенной службе, так и во время сражения, наших регулярных легких войск. Небольшая часть оных могла бы послужить к совершенному воспрещению впадений частых лезгинских, как чрез недремлющее надзирание, так и чрез конечное поражение в преследованиях».

⁷² Письмо уцмий Потемкину. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

⁷³ См. список дагестанских уездов и деревень. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

⁷⁴ Потемкину в рапорте от 2 мая 1784 г.

Для этого пришлось бы ввести в Грузию новые войска, но полковник Бурнашев сам признавал, что это если не совершенно невозможно, то весьма затруднительно из-за недостатка продовольствия.

«Хотя, – писал он, – усердие и готовность царская служить и споспешествовать нам не имеет поистине пределов, но по бессилию, по неимению властей подчиненных, по крайнему небрежению исполнителей его указов не следует весьма часто по его расчетам. Прибавлю к сему видимый недостаток в деньгах, но и из тех похищают немилосердно, ибо почти нет не только книг расходных, но с нуждою и отчет словесный».

Выросшие цены на хлеб и общий недостаток его заставляли даже опасаться и за продовольствие тех двух батальонов, которые уже находились в Грузии, а между тем Ираклий уверял всех, что хлеба в Грузии много, и просил прислать ему 4000 русских войск для наказания лезгин. Он настаивал на этом тем более, что на рассвете 15 июля партия лезгин, переправившись через Алазань, напала на кизихское селение Чугань. Хотя оно было расположено на высокой горе, жители его по беспечности, по отсутствию караулов и разъездов были атакованы совершенно неожиданно. Грузины не видели, как значительная партия грабителей спокойно подошла к подножию горы, спешилась и атаковала селение. Застигнутые врасплох жители, бросив свое имущество, спасались, кто куда мог. Напавшие в течение двух часов грабили и опустошали селение, убивали противящихся, забирали сколько могли людей, пожитки и весь скот. Грузины потеряли при этом тринадцать человек убитыми, до семидесяти человек было уведено в плен, все имущество разграблено, и сама деревня подожжена в пяти местах.

При первом нападении на Чугань Кизихский моурав (управитель) собрал в селении Бодби всех вооруженных грузин, но не решился идти с ними на помощь атакованным, а ограничился тем, что отправил посланного к командиру Горского егерского батальона с известием о нападении неприятеля. Посланный имел дурную лошадь, и хотя подполковник Квашнин-Самарин тотчас же выступил со своим батальоном, но не мог прийти вовремя, ибо до селения Чугань было двадцать пять верст от нашего лагеря. Егеря шли все время беглым шагом, но пришли, когда все уже было кончено, лишь горела деревня да пылала стога сена.

«Отчего грузинские войска, собравшиеся в Бодби, – доносил Самарин⁷⁵, – благовременной помощи подать не успели, – от робости ли сие произошло или не чаяли себя быть в состоянии, по не-бытности моей в то время там, мне неизвестно... При сем также за необходимое нахожу донести, что находящаяся здесь грузинская артиллерия, а особливо от вчерашнего перехода, почти вся рассыпалась, так что чуть держится. В случае какого движения взять оную с собою будет опасно, дабы, изломавшись, не замешкала батальону и не причинила бы затруднения оставлять для нее в том месте прикрытие. Действия же от нее никакого надеяться не можно»⁷⁶.

Материальная часть артиллерии была вообще в плохом состоянии в Грузии, патронов и зарядов не хватало, а порох хотя и был в небольшом запасе, но «вовсе негодный, грузинской фабрики»⁷⁷. Получив сведения о таком неустройстве, Екатерина II пожаловала Ираклию двадцать четыре орудия различных калибров и приказала отправить их в Грузию с двойным комплектом зарядов и снарядов. Генерал-поручик Потемкин в бытность свою в Тифлисе также обращал внимание царя Ираклия на необходимость улучшения всех боевых средств, но Ираклий откровенно признавался, что не в силах этого сделать. Он говорил П.С. Потемкину, что, хотя подданные его и весьма храбры, но не могут устоять против лезгин, одно имя которых наводит на них страх и робость. Царь просил прислать в Грузию шесть полков пехоты с полным содержанием, и, когда ему было отказано, просил разорить Джары и Белоканы, главные

⁷⁵ В рапорте полковнику Бурнашеву от 16 июля. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 48.

⁷⁶ Бурнашев послал Самарину один двенадцатифунтовый единорог русской артиллерии.

⁷⁷ Рапорт полковника Бурнашева П.С. Потемкину 2 мая 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 45.

лезгинские селения, теми двумя батальонами, которые были в Грузии. Царь обещал обеспечить наши батальоны продовольствием и для содействия им собрать до четырех тысяч человек грузинских войск. П.С. Потемкин отвечал, что для истребления селений, удаленных от границ Грузии, необходимы значительные силы, которых нет и взять неоткуда, что к тому же от такой экспедиции нельзя предвидеть никакой пользы, потому что, завладев этими селениями, Ираклий не в состоянии будет их удержать. Царь принял отказ с крайним огорчением, и Потемкин, видя, что беспрестанные вторжения лезгин «столь сердце его надсадили, что, казалось, и расположением одним наказать услаждался уже немало», предложил Ираклию наказывать ближайšie к его границам селения, дабы лезгины видели, что не всегда они могут совершать нападения безнаказанно. Оставшись вполне доволен этим предложением, Ираклий просил только привести его в исполнение как можно скорее.

Возвращаясь из Тифлиса в Георгиевск, генерал-поручик Потемкин оставил в Грузии прибывшего с ним генерал-майора Самойлова, которому и поручил командовать экспедицией. В состав отряда были назначены оба егерских батальона с четырьмя полевыми орудиями и сопровождавшие в Грузию Потемкина эскадрон Астраханского драгунского полка и около сотни донских и уральских казаков⁷⁸.

Наступавшая осень заставляла Самойлова торопиться выступлением в поход и окончанием экспедиции, но все его усилия оставались совершенно напрасными. Обещанные для содействия нашим батальонам грузинские войска не были готовы и собрались весьма медленно, они не имели ни боевых припасов, ни провианта. Запасов продовольствия для наших батальонов также не было, и генералу Самойлову стоило больших усилий снабдить свои войска только десятидневным провиантом. «Я голову свою вскружил, – доносил он генералу Потемкину⁷⁹, – и с ног сбил подполковника Кишинского, чтобы достать у грузин нужное войску нашему пропитание и для такого подвига, который прямо им пользу принести должен. Я нимало не могу в том на царя пенять – он всею душой готов исполнить все, что ни требуется от него, но подданные его совсем иные люди. Прежде, нежели захотят они сделать то, что приказывается, надобно мне несколько раз к царю, к архимандриту, к мелику и к каким-то назначаемым посылать, которых тщание только в том состоит, чтоб скрадывать царя. Я исключая из числа сего архимандрита Гаюса, который всякое от меня нужное требование тщился не только доводить до царя, но еще и ему представлять о скорейшем по оному решении».

Обеспечив себя десятидневным продовольствием, Самойлов решился выступить, не дожидаясь сбора грузинских войск, и надеялся 4 октября быть в Кизихах, куда в тот же день обещал прибыть и царь с ополчением, которое к этому времени успеет собраться. Ираклий уверял Самойлова, что в Кизихах они найдут достаточно продовольствия и что русские войска будут им полностью обеспечены.

«Дай Боже, – говорил Самойлов, – чтоб они сдержали свое слово вернее прежнего», – но Ираклий и в этом случае не исполнил данных обещаний.

Вместо того чтобы 4 октября быть в Кизихах, царь только в этот день оставил Тифлис и лишь вечером 7-го числа соединился с генералом Самойловым в селении Мачхан. Ираклий привел туда вместе со своими войсками и сто двадцать имеретин под началом князя Георгия Цилукидзе, сопровождавшего новобрачных царевича Вахтанга и его супругу⁸⁰.

В Мачхане генерал-майору Самойлову пришлось испытать то же, что он испытывал в Тифлисе, и видеть во всем затруднения и крайний беспорядок. Почти на глазах соединенных сил лезгины грабили и опустошали селения, жители которых просили помощи. Самойлов настаивал на скорейшем движении вперед, но Ираклий, хотя и понимал, что движение необ-

⁷⁸ Рапорт П.С. Потемкина князю Потемкину 10 октября, 14. Госуд. арх. XXIII, 13, карт. 45.

⁷⁹ В рапорте от 1 октября 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, папка 47.

⁸⁰ Рапорт полковника Бурнашева генералу Потемкину 4 октября. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 48.

ходимо, медлил, отговариваясь тем, что ожидает умножения своих сил. Царь не составил еще программы будущих действий. Он говорил Самойлову, что следует идти к Белоканам и разорить их, а несколько часов спустя замечал, что хорошо бы было нанести первый удар селению Джарам. Ежеминутные перемены заставляли генерала Самойлова сожалеть, что Ираклий сам принял начальство над грузинскими войсками, а не прислал одного из своих военачальников, «ибо, – доносил он, – того я бы принудил ко всему, а царю только представлять лишь могу. Его высочество соглашается совсем на резоны мои, но только и всего, а поспешности не прибавляется нимало».

Чтобы положить конец бездействию, Самойлов предложил Ираклию два плана действий: или идти прямо на Белоканы и, разорив их, продолжать путь к Джараму, или же разорить лежащие за Алазанью лезгинские селения и потом идти другой дорогой также к Джараму. Царь предпочел последний план, как наносящий ущерб большему числу селений, но все не решался выступить, говоря, что войска его не все еще собрались⁸¹.

Время уходило, и Самойлов опасался, что экспедиция вовсе не состоится. Наступила глубокая осень, прекрасные дни сменились ненастьем, и в течение четырех суток шел проливной дождь, вода в Алазани быстро поднималась, и можно было ожидать, что переправа вброд окажется невозможной. Между тем в лагере было получено известие, что партия лезгин, вторгшаяся на территорию Грузии, переправившись через Алазань и соединившись с несколькими сотнями новых разбойников, двинулась было к Ганже, но, узнав о приближении русских войск, вернулась обратно. Генерал-майор Самойлов, видя, что представлялся удобный случай встретиться с неприятелем, не переходя реки, не стал уже спрашивать мнения Ираклия, но тотчас же выступил из лагеря и утром 14 октября настиг лезгин близ урочища Муганлу, тянувшихся к близлежащему лесу, с намерением через него пробраться к Алазани. Как ни старался Самойлов пресечь неприятелю дорогу в лес, ему это не удалось, ибо лезгины, заметив наши войска, пошли на рысях и скрылись в лесу. «Царь весьма желал, – доносил Самойлов⁸², – чтоб их в то же время наказать, но до прибытия пехоты нашей ни один из грузин к лесу не подвинулся, и самые их князья стояли неподвижно».

Как только прибыла пехота, Самойлов тотчас же приступил к атаке. Он составил две колонны, одна, в двести егерей под командой подполковника Аршеневского, назначалась для атаки леса с правой стороны, другая, из ста егерей под начальством поручика Голоктионова, должна была наступать с левой стороны. Общее командование двумя колоннами поручено было подполковнику принцу Гессен-Рейнсфельдскому. В резерве правой колонны находился подполковник Квашнин-Самарин с Белорусским батальоном, а в резерве левой – подполковник Мерлин с Горским батальоном. На правом фланге пехоты встали казаки с несколькими сотнями лучших грузинских стрелков, между батальонами были драгуны, а левее всех на открытой поляне расположилась артиллерия, притом так, что могла обстреливать противоположный берег Алазани. Позади русских стояли грузинские войска, при которых находился и царь Ираклий.

Распорядившись таким образом, Самойлов двинулся в атаку. Взобравшиеся на деревья и все время следившие за движением наших войск лезгины встретили наступавших весьма сильным огнем, но после упорного пятичасового боя вынуждены были отступить и поспешно переправляться через реку под огнем нашей артиллерии. Неприятель оставил до двухсот тел на месте, не считая тех, которые были увезены или утонули в реке, у нас было семнадцать убитых и раненых, в том числе тяжело ранен и вскоре умер принц Рейнсфельдский.

⁸¹ Рапорты Самойлова генералу Потемкину 8 и 9 октября. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

⁸² Потемкину в рапорте от 14 октября. Там же.

Переночевав на поле сражения, Самойлов через урочища Карагач, Стефан-Цминду и Мачханы 20 октября возвратился в Тифлис. Победа не принесла никаких ощутимых результатов, так как все дело ограничилось одним рассеянием толпы разбойников.

«Весьма бы было полезнее, – писал князь Потемкин, – если бы начальный удар на лезгин произведен был сильнейшим образом по умножении войск в Грузии и если бы при самом первом случае испытали они всю тягость наших поражений, чрез то бы навсегда облегчились наши предприятия. Страх оружия российского наипаче бы распространился повсюду, и сии разбойники не дерзнули бы уже когда-либо схватиться с нами». Хотя замечание это было вполне справедливо, с другой стороны, нельзя отрицать, что и этот незначительный успех произвел огромное впечатление не только на грузин, но и на самого Ираклия.

Обрадованный победой, царь устроил торжество при вступлении русских войск в свою столицу и пригласил Самойлова прямо в собор, где патриарх ожидал их для благодарственного молебна за дарованную победу. При провозглашении многолетия императрице произведены были пушечные выстрелы⁸³. На следующий день царь объявил Самойлову, что в патриаршей церкви будет совершено служение о здравии князя Потемкина-Таврического, как покровителя Грузии. Самойлов пригласил в церковь всех офицеров, а по окончании службы ездил к царю благодарить за такое «к главному начальнику нашему уважение»⁸⁴.

Ираклий радовался этой победе вдвойне: во-первых, потому, что ненавистные ему лезгины потерпели поражение, а во-вторых, потому, что последствием ее была покорность ганжинцев.

Узнав о движении русских войск к Алазани и видя, что лезгины их оставляют, жители Ганжи отправили посланных к Ираклию с объявлением, что они по-прежнему отдают себя в царское правление. Депутаты приехали в Тифлис накануне прибытия Ираклия, для которого это событие было самым лучшим плодом победы, ибо Ганжинское ханство приносило ему наибольшую часть доходов. Занятый покорностью Ганжи, Ираклий оставил без внимания то обстоятельство, что вскоре после победы при Муганлу лезгины снова вторглись в его владения со стороны Ахалциха, разорили деревню князя Орбелиани близ Куры, взяли в плен 27 грузин и угнали около 1500 голов рогатого скота⁸⁵.

Не лезгины, а Ганжа привлекала теперь к себе внимание грузинского царя. Он вошел в переписку с Ибраим-ханом Шушинским, и союзники дали друг другу взаимное обещание снова завладеть Ганжей, иметь там своих губернаторов и по-прежнему делить пополам все доходы ханства. Союзников беспокоило только вмешательство в их дела нухинского хана, решившего поддержать ганжинцев.

Одновременно с отправкой депутатов в Тифлис ганжинцы послали депутатов и к Ибраим-хану с просьбой, чтобы он освободил заключенного хана с братьями и отпустил его в Ганжу. Ибраим прогнал посланных и приказал усилить надзор за заключенным ханом. Тогда Ахмет-хан Нухинский отправил в Ганжу сына ганжинского хана Али-Бега, которого жители приняли с восторгом и назвали своим беком. Нухинский хан прислал ему подарки и провозгласил ханом, жители встретили присланные подарки музыкой и пальбой. Не ограничиваясь этим, Ахмет-хан предложил Ираклию прервать свои отношения с Ибраим-ханом Шушинским и тогда обещал содействовать в подчинении ганжинского ханства Грузии, но с условием, чтобы там был поставлен ханом кто-либо из фамилии прежних ганжинских ханов. Не встретив у Ираклия сочувствия к своему предложению, нухинский хан пригласил в Ганжу лезгин, которые в начале ноября числом 3000 переправились через Алазань и двинулись к Ганже. Чтобы преградить им путь в Ганжу, Ираклий просил полковника Бурнашева поддержать его русскими

⁸³ Рапорт Самойлова Потемкину 20 октября 1784 г.

⁸⁴ Рапорт Самойлова Потемкину 22 октября 1784 г.

⁸⁵ Рапорт полковника Бурнашева Потемкину 2 ноября, № 79. Госуд. арх. XXXIII, № 13, папка 47.

войсками. Взяв по три роты от батальонов Горского егерского и Белорусского и два единорога, Бурнашев 8 ноября выступил из Тифлиса по дороге к Ганже. После трех переходов в селении Марнеули было получено известие, что лезгины, следовавшие в Ганжу, повернули к Ахалциху. Ираклий бросился их преследовать, Бурнашев последовал за ним⁸⁶. Егеря делали усиленные переходы, тащили на себе орудия, испытывали все лишения похода, но лезгин не догнали и, по выражению князя Потемкина, ходили «по-пустому, изнурительно для российских войск и несовместно со славой, ими приобретенною»⁸⁷.

Лезгины успели пробраться в Ахалцих, куда их призывал Сулейман-паша для совместных действий с турецкими войсками против имеретинского царя.

⁸⁶ Рапорт Бурнашева Потемкину 8 ноября, № 82. Журнал похода, приложенный к рапорту Бурнашева от 25 ноября, № 84.

⁸⁷ Ордер князя Потемкина генералу Потемкину 11 января 1785 г.

Глава 4

Соломон, царь Имеретинский, ищет покровительства России. Посылка в Имеретию полковника Тамары и его переговоры с царем. Прошение имеретин. Кончина Соломона. Вопрос о престолонаследии. Борьба партий. Провозглашение Давида Георгиевича царем Имеретии. Поездка Бурнашева в Имеретию и ее последствия. Князь Папу на Церетели и его интриги. Князь Абашидзе как претендент на имеретинский престол. Намерение турок вторгнуться в Имеретию. Подложное письмо царя Давида. Имеретинские послы в Петербурге. Инструкции нашему посланнику в Константинополе. Вторжение турок в Имеретию. Отражение неприятеля. Внутренние дела в Имеретии

Переговоры о покровительстве, которые царь Ираклий II вел с русским правительством, возбудили зависть в имеретинском царе Соломоне. Искренне преданный России, Соломон давно хотел подчиниться верховной власти русских императоров и настолько любил Россию, что одно упоминание о ней производило в нем «некоторое особое чувство». Посылаемых к нему русских чиновников имеретинский царь принимал всегда с особым почетом, уважением и некоторым подобострастием. Под видом сообщения заграничных известий Соломон часто присылал своих людей на линию с письмами к генерал-поручику Потемкину, присылал ему подарки⁸⁸ и вообще всеми силами старался выказать свою преданность России.

Притесняемый турками, Соломон неоднократно умолял Екатерину II оказать ему покровительство и защиту.

«Премилосердая мать всех восточных православных христиан, – писал он⁸⁹, – всемилостивейшая, всеавгустейшая Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская.

С великим благоговением, подобострастием и земным поклоном осмеливаюсь донести я, имеретинский царь Соломон, что из единой вашей матерней щедроты изволили вы оказать божественное ваше милосердие. Вами св. церкви и народ наш избавлены от тяжкого ига неволи и дарована вольность, за что все восточные христиане денно и ночью молят Бога о здравии вашем и до скончания века будут прославлять высочайшее ваше имя. Все мы, находящиеся здесь, с великим усердием желаем, помощью Христа, за вас, избавительницу нашу и всемилостивейшую монархиню, против врагов ваших турок и против всех наших неприятелей положить жизнь нашу и пролить кровь.

Припадая к стопам вашего императорского величества, осмеливаемся мы молить о непредании забвению нас, избавленных вами от неволи и о нелишении вашей монаршей милости, покровительства и помощи. В соседстве с нами находятся весьма многие неприятели, а напротив того, нас малое число, и потому не в состоянии мы делать им всегда сопротивление. Всемилоостивейшая монархиня! окажите милосердие ваше и защитите вашим величеством избавленный народ, да не возымеют турки власти над святыми православными церквями.

С берегов Черного моря чинят турки сильное на нас нападение, хватают народ наш, продают и приводят в турецкий закон и потому подвергают христиан в большое порабощение. Мы писали к турецким начальникам, чтобы они не делали такого разорения и нападения в нашем владении. Но они, невзирая на наше требование, начали еще более истреблять народ наш, и потому принуждены мы были собрать наше войско и счастьем вашего императорского величества одержали совершенную над ними победу; отместили им более, чем они сделали нам вреда.

⁸⁸ Соломон прислал генералу Потемкину сначала двух мальчиков, а потом и девушку «для услужения». Потемкин благодарил царя и писал, что принимает мальчиков только потому, что желает сделать угодное ему, но в услугах их никакой нужды не имеет. Девушку же возвратил обратно и при этом послал царю в подарок подзорную трубу, кусок материи и несколько пудов железа, в котором Соломон нуждался для покрытия церковной крыши.

⁸⁹ В письме от 1 сентября 1781 г. Главы, моек. арх. Минист. иностран. дел.

По таким обстоятельствам сами турки да и другие, окружающие нас, соседи пришли в немалое смущение и стараются напасть на нас. Я, царь, также все духовные и светские владения моего, стоя на коленах, молим принять нас под ваше сильное покровительство и защищать вечно вами избавленных от ига неволи ваших рабов. Окажите материнское ваше милосердие нам такое, какое сами соблагovolите».

Зависимость Имеретии от Порты по Кучук-Кайнарджийскому трактату лишала нас возможности приступить к немедленному исполнению желаний царя Соломона. Хотя князь Потемкин и находил шаг принятия Имеретии под покровительство России до времени весьма скользким⁹⁰, тем не менее русское правительство старалось поддержать расположение царя Соломона и обещало принять Имеретию под свое покровительство при первой возможности.

«Ее императорскому величеству благоугодно, – писал князь Потемкин⁹¹, – чтобы после сего знаменитого для империи Российской дела, примеру царя карталинского и кахетинского мог подражать и царь имеретинский Соломон, которого расположения согласуют уже сей высочайшей воле. Но как некоторая зависимость его от Порты Оттоманской заставляет удержаться произведением сего в действо, покуда не откроются удобные обстоятельства, то и нужно не упускать всего того, что только может способствовать утверждению преданности к российскому престолу имеретинского владетеля и его подданных».

Руководствуясь этим наставлением, генерал-поручик Потемкин поддерживал непрерывные сношения с Соломоном, просил его чаще присылать известия о состоянии дел, относящихся к Имеретии и Турции, и, наконец, обнадеживал царя в постоянном расположении к нему русской императрицы. Контакты эти не имели серьезного характера до тех пор, пока Соломон не узнал, что договор с Грузией уже подписан, но, как только эта новость дошла до Имеретии, царь тотчас же отправил письмо П.С. Потемкину, в котором просил принять и его под покровительство России точно на таких же основаниях, на каких принята Грузия⁹². Потемкин послал Соломону подарки⁹³ и просил прислать доверенное лицо, с которым бы можно было переговорить об условиях подданства⁹⁴.

А тем временем, не ожидая присылки такого лица, князь Потемкин воспользовался отправкой в Грузию полковника Тамары со знаками инвеституры и поручил ему по окончании празднеств в Тифлисе отправиться в Кутаис для переговоров с царем Имеретинским. Тамара должен был заверить Соломона в искреннем расположении к нему императрицы и светлейшего князя Потемкина и предложить ему отправить в Петербург прошение на высочайшее имя за подписью всех сословий народа, проект которого был передан полковнику Тамаре. В этом прошении царь должен был заявить, что главную причину, побуждающую его искать покровительства России, составляют частые и весьма тяжелые болезненные припадки, опасение оставить Имеретию в руках малолетних и неопытных наследников и, наконец, желание избавиться от набегов турок, их грабежей и разорения его отечества. Эти три пункта, должны служить основанием прошения, не были приняты Соломоном. При том неограниченном самовластьем, которым пользовался царь над своими подданными, ему трудно было публично сознаться в своей неспособности к правлению, хотя бы и вследствие тяжкой болезни, точно так же, по его мнению, несовместно было с достоинством царя видеть вместе со своей подписью подписи его подданных и, наконец, по характеру азиатского населения опасно было заявлять о малолетстве и неопытности наследников. Исходя из этого Соломон говорил, что прошение должно быть подписано им одним и основано только на его личном желании перейти под покровительство

⁹⁰ Письмо князя Потемкина А.А. Безбородко 5 сентября 1785 г.

⁹¹ В ордере П.С. Потемкину 8 апреля 1788 г. Госуд. арх. XXIII, № 18, карт. 45.

⁹² Письмо Соломона генералу Потемкину 5 сентября 1788 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 45.

⁹³ Часы золотые английские с репетицией, табакерку, соболий и горностаевый меха, бумагу, сургуч и календарь.

⁹⁴ Письмо П.С. Потемкина Соломону 24 сентября 1783 г.

России. Упорство Соломона и несогласие его исполнить наше требование задержали Тамару в Имеретин, и ему пришлось провести там три недели, чтобы добиться какого-либо ответа. Царь долгое время не высказывал окончательного решения и тем затягивал дело.

Человек безусловно храбрый, редких правил, обладавший особой способностью управлять народом, Соломон был малограмотен, умел только читать и, к сожалению, предавался пьянству, убивавшему в нем всякую деятельность мысли. «Несчастливая склонность к вину, – доносил Тамара⁹⁵, – которая в нем, кажется, умножилась после того, как был я здесь в первый раз, препятствует объяснениям. Редко такой час случается, в который поговорить с ним можно по-надлежащему».

После долгих усилий полковнику Тамаре удалось наконец уговорить Соломона написать прошение от имени всего народа и поводом к исканию покровительства выставить вторжения турок в Имеретию. В Кутаисе были собраны представители всех сословий, которые после совещания сами составили прошение и подписали его 4 марта 1784 года.

«Всему свету известны, великая самодержица, – писали имеретинцы⁹⁶, – милосердие и неусыпное попечение твое о всех единоверных тебе народах, как бы оные отдалены ни были. Богом данная деснице твоей сила восстанавливает народы кровью Христовою искупленные и веру его исповедующие.

В числе тех народов и народ сей земли, непобедимым твоим оружием защищенный, пред очами врагов стоит и привлекает на себя ненасытный взор их и сердце, жаждущее нашей гибели... Отдели, всемилостивейшая государыня, хотя малую частицу этого вечной славы исполненного времени твоего на выслушание по делу веры и совести приносимого к престолу твоему от толиких христиан прошения.

Положение наше в рассуждении ближайшей беззаконной турецкой державы не может быть ни твердо, ни спокойно, пока не будем мы под защитением вашего императорского величества. Чувствования народа сего к нам ложны; их желание – отмстить нам междоусобием, порабощением и поруганием; время часто открывает глубину их сердец».

Высказав, что турки всегда были непримиримыми врагами христианства, и перечислив все разорения, которые Имеретия претерпела от них в последнее время, подписавшиеся просили защиты и покровительства. Припадая «с преклонением голов» к престолу Всероссийскому, царь Соломон, его наследник, князья, архиереи, начальники, служители и весь народ имеретинский «повергали себя навеки подданными и рабами» русской императрицы.

«Помилуй, великая монархиня, – говорили они, – толикое множество единоверных тебе христиан, и, ограждая нас навсегда силою твоею, буди вечною избавительницей нашею; даруй нам, земле, народам и потомкам нашим, желающим быть вечно твоими подданными, отныне навсегда покровительство твое и преемников престола твоего, прими на себя имя покровительницы нашей и государыни и возложи на нас долг и звание подданных твоих, да будет то известно врагам нашим, чтобы превратилось в них один раз навсегда желание господствовать над нами...»

Не менее других трудилась земля сия и народ для защищения веры христианской, а с тех времен, как озарил нас свет покровительства твоего, более пролито здесь крови и более претерпел неприятель. Не нужны и не полезны мы, государыня, ни тебе, ни преемникам твоим, но христианского закона ради, который равно как и грузины исповедуем, просим быть приняты на равном с ними основании под сильное покровительство твое.

Даруй, всемилостивейшая государыня, мне и преемникам моим ту же самую защиту, которая дарована тобою карталинскому и кахетинскому царю Ираклию и светлейшего дома его наследникам. Сохрани равно в лице моем и наследников моих права и преимущества прежних

⁹⁵ Потемкину в рапорте от 6 марта. Государств, архив, XXIII, № 13, карт. 47.

⁹⁶ Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

царей имеретинских. Луч милости и самодержавия твоего, всемилостивейшая государыня, да просветит наконец царство сие, настоящего оным владетеля, князей, воинство и народ. Все в сердцах своих суть рабы, все единогласно желают быть под защитой освященного твоего престола, все отвергаем в лице всего света всякую власть над нами кого-либо другого, кроме Всероссийского престола и сие всеподданнейшее наше прошение подтверждаем подписанием и печатями нашими»⁹⁷.

Прошение не достигло еще С.-Петербурга, когда в Имеретин произошла перемена в правительстве. 23 апреля Соломон скончался апоплексическим ударом. Утром в День ев. Георгия он встал совершенно здоровым и после утренней молитвы хотел одеваться, но едва надел половину одного чулка, как упал и лишился языка. Находившийся при царе Соломоне доктор Виттенберг, посланный в Имеретию нашим правительством, принимал все возможные меры к его спасению, но усилия его остались напрасны⁹⁸.

За три дня до смерти Соломон отправил депутатами в Россию своего шурина князя Зураба Церетели и князя Эрнстова, но кончина царя остановила их в Имеретин. Вопрос, кто будет преемником скончавшегося царя, живо интересовал депутатов и всю Имеретию. Соломон не имел детей мужского пола, и потому его скоропостижная кончина привела в замешательство первейших людей Имеретин. Не зная, на что решиться, они отправились к доктору Виттенбергу и спрашивали, что им делать.

«Вы, как мужи разумные, – отвечал тот, – лучше меня знаете пользу отечества своего».

Посоветовавшись, представители власти положили по окончании церемонии погребения избрать преемника и тех же депутатов с письмами покойного и вновь избранного царя отправить в Россию.

В Имеретин в то время были два претендента на престол, и оба носили имя Давид, один – двоюродный брат умершего⁹⁹ лет тридцати от роду, а другой – племянник одиннадцати лет¹⁰⁰. Оба имели сторонников и располагали партиями приверженцев. Еще при жизни Соломона царь Ираклий старался примирить его с двоюродным братом Давидом Георгиевичем и настаивал на том, чтобы наследником имеретинского престола был его внук царевич Давид Арчилович. Соломон уступил желанию Ираклия, дозволил Давиду Георгиевичу вернуться в Имеретию и отдал принадлежавшие ему деревни, а одиннадцатилетнего племянника, Давида Арчиловича, признал своим наследником. Признание не имело, однако, никакого значения, и после смерти Соломона произошла обычная борьба партий. Одни хотели возвести на престол племянника, другие – двоюродного брата¹⁰¹.

«Нам нужен такой царь, – говорили приверженцы последнего, – который мог бы владеть саблей и защищать свою землю, со всех сторон окруженную неприятелем».

Споры продолжались до тех пор, пока сардарь (фельдмаршал) князь Папуна Церетели, пользовавшийся большим уважением соотечественников, не провозгласил царем своего шурина царевича Давида Георгиевича. Женатый на родной сестре последнего, князь Церетели надеялся, что из-за родства и содействия в возведении на престол он приобретет при новом царе еще большие преимущества, влияние и значение. Предложение князя Папуны Церетели было принято большинством, и 27 апреля Давид Георгиевич был объявлен царем Имеретин.

⁹⁷ Прошение подписали царь Соломон, два царевича Давида – двоюродный брат царя, его племянник, сын Арчила, брата Соломона и внук царя Соломона, – владетель Гурии князь Георгий с сыновьями Симеоном и Вахтангом, князья, митрополиты, архиереи и многие дворяне.

⁹⁸ Рапорт доктора Виттенберга Потемкину 25 апреля 1784 г.

⁹⁹ Отец Давида, царь Георгий, был младшим братом отца Соломона. За сопротивление Соломону он был изгнан им из Имеретин и жил в Тифлисе в содержании царя Ираклия. Супруга Давида, Анна Матвеевна, урожденная княжна Орбелиани, была внучкой княгини Анны Теймуразовны Орбелиани, родной сестры царя Ираклия (рапорт Бурнашева Потемкину 7 мая, № 34, Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47).

¹⁰⁰ Это был сын Арчила, родного брата Соломона, и внук царя Ираклия и царицы Дарьи.

¹⁰¹ Рапорты Виттенберга Потемкину 25 и 26 апреля. Госуд. арх. XXIII, № 135, карт. 47.

На следующий день он торжественно присягал и обязался защищать права своих подданных, править ими по законам и быть верным подданным русской императрицы. Давид Георгиевич тотчас же уведомил о своем вступлении на престол генерал-поручика Потемкина и полковника Бурнашева, причем отправил к обоим прошение духовенства, князей и народа, в котором они просили ходатайствовать вновь избранному царю утверждение русского правительства. С своей стороны царь Давид, высказывая намерение идти по стезе своего предшественника и отправить посольство к высочайшему двору с изъяснением нужд и желаний имеретинского народа, просил сохранить к нему то доверие, которое русское правительство имело к покойному¹⁰².

Между тем устранный от престолонаследия царевич Давид Арчилович по совету своих приверженцев обратился к Ираклию, своему деду, с просьбой защитить его право, основанное на торжественном признании его покойным царем Соломоном наследником престола¹⁰³. Эта просьба и борьба партий могли породить междоусобицу в Имеретин, где разнонаправленность интересов была гораздо больше, чем в какой-либо другой стране. Едва скончался царь Соломон, как правитель Мингрелии князь Дадиан, в последнее время отложившийся от власти имеретинского царя, желая приобрести еще больше самостоятельности и независимости, стал интриговать против Имеретин, стараясь усилить борьбу партий и произвести всеобщее волнение. Дадиан отправил нарочного к находившемуся в изгнании князю Кайхосро-Абашидзе, призывая его в Имеретию и обнадеживая своей помощью. Ходили слухи, что такой же посланный отправлен был Дадианом и в Константинополь с уведомлением, что Соломон скончался и что Порте представляется самый удобный случай привести имеретинский народ к покорности.

Интриги Дадиана не прошли бесследно. Князь Абашидзе прибыл в Трапезонд с намерением пробраться в Имеретию и произвести там волнение, Сулейман-паша Ахалцихский, узнав о вступлении на престол Давида, требовал, чтобы он по зависимости Имеретин от Порты отправил в Константинополь посольство с просьбой об утверждении его на престоле.

Опасаясь, что турецкий двор воспользуется неизбежным волнением при перемене правления в Имеретин, наше правительство считало необходимым как можно скорее упрочить власть царя Давида, и потому Ираклию внушено было не вмешиваться во внутренние дела Имеретин и признать установившийся там порядок. Ираклий, хоть и считал себя оскорбленным, что престол вопреки обещанию Соломона не перешел к его внуку Давиду Арчиловичу, согласился, однако же, признать избрание Давида Георгиевича законным. «Опасаясь какого-либо беспорядка или междоусобия в Имеретин, – писал Ираклий П.С. Потемкину¹⁰⁴, – я в настоящее время уклонился от моего права и дал свое согласие на признание Давида Георгиевича царем, но, когда мой внук придет в совершенный возраст, тогда судьба его будет зависеть от императорского двора».

Грузинский царь просил, чтобы русское правительство обязало царя Давида отдать во владение его внука все имения, которыми владел его отец Арчил, чтобы Давид признал своего племянника наследником и чтобы кроме имений уступил ему две вооруженные крепости со всеми принадлежащими к ним землями. Для более успешного достижения цели Ираклий старался соединить свое требование с политическими вопросами и говорил, что уступка крепостей необходима в случае уклонения царя Имеретинского от интересов России, ибо тогда он может быть ослаблен противодействием царевича Давида Арчиловича¹⁰⁵. В сущности же, грузинский царь главным образом хлопотал о том, чтобы внук его мог безопасно жить в Имеретин, так как боялся, как бы из угождения новому царю услужливые люди не отравили его.

¹⁰² Письмо царя Давида генералу Потемкину 1 мая 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

¹⁰³ Рапорт Бурнашева П.С. Потемкину 7 мая 1784 г., № 34. Там же.

¹⁰⁴ В письме от 3 мая 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

¹⁰⁵ Письмо Ираклия полковнику Бурнашеву от 12 мая 1784 г. Там же.

Образование государства внутри государства не могло быть допущено нашим правительством, и потому требования Ираклия остались неудовлетворенными. Во избежание же вражды между членами царского дома и возможной междоусобицы генерал-поручик Потемкин поручил полковнику Бурнашеву отправиться в Имеретию и устроить там дела царства. Бурнашев пригласил с собой имеретинского католика Максима, давно оставившего свое отечество и жившего в Грузии¹⁰⁶.

Максим пользовался большим уважением в Имеретин, где его присутствие, как человека, преданного России, могло быть полезно не только для наших интересов, но для подкрепления царя Давида и удержания знати от взаимной вражды и своеволия. Царь Давид, понимая огромное влияние, которое имел Максим на его подданных, и нуждаясь в его содействии, также приглашал его в Имеретию. Максим отказывался ехать, но вынужден был уступить настоянию полковника Бурнашева¹⁰⁷.

«Одна только всеподданейшая верность ее императорскому величеству, – говорил он, – и повиновение, на кои я в бытность в России присягал, заставляют меня туда следовать. Если угодно великой всемилостивейшей государыне, то я готов и жизнью пожертвовать».

1 июня полковник Бурнашев вместе с католиком Максимом выехал из Тифлиса. Непроходимость рек вследствие прошедших пред тем сильных дождей задержала их, и только 9 июня они достигли до резиденции Давида, селения Цха-Цхоро, находившегося на Сурамской дороге верстах в сорока от Кутаиси. Царь, духовенство, князья и множество народа выехали версты за три от селения навстречу прибывшим. «Я нашел их всех, – доносил Бурнашев¹⁰⁸, – вооруженных партиями, с примерным беспокойством, как будто в ожидании от приезда моего своего успокоения. Всяк жаждал слушать слова, обнадеживающие их в высочайшей милости и покровительстве Екатерины Великой».

Всегда предупредительные к русским, имеретины на этот раз, казалось, хотели превзойти себя. Нуждаясь более, чем когда-либо, в покровительстве и поддержке России, царь, вельможи и даже простой народ заискивали перед полковником Бурнашевым. Они опасались, как бы со смертью царя Соломона не прекратилось и расположение русской императрицы к Имеретии. Их успокаивало только присутствие католика Максима, прибытие которого в Имеретию объясняли тем, что страна эта, вероятно, не лишилась еще покровительства России. Максим был принят с особенным восторгом как царем, так и всеми его подданными. Давид сразу же возвратил ему все права, имения и в письме П.С. Потемкину¹⁰⁹ называл Максима украшением страны, народ же смотрел на своего католика как на святого и единственного примирителя враждебных партий¹¹⁰.

Причина беспокойства имеретин вскоре выяснилась: оно происходило от непрочности нового правительства, от недоверия друг к другу и от неопределенности положения каждого из присутствовавших. Бурнашев заметил среди собравшихся две партии, если не вполне враждебные, то по крайней мере не вошедшие в согласие друг с другом: одна, более многочисленная, поддерживала сторону царя, другая – царевича Давида Арчиловича. Последняя состояла из толпы вооруженных, но бедных и ничтожных людей, преимущественно тех, у кого имения были отняты покойным царем Соломоном. Терять им было нечего, а поддерживая царевича, они надеялись в случае успеха улучшить свое положение.

¹⁰⁶ Поводом к удалению Максима из Имеретин было его несогласие на бракосочетание сына Соломона, царевича Александра, который хотел вторично жениться при живой жене, оставленной им в Тифлисе. Соломон несколько раз предлагал Максиму вернуться в Имеретию, но тот, зная непостоянство соотечественников, оставался в Грузии.

¹⁰⁷ Рапорт Бурнашева Потемкину от 25 мая, № 44.

¹⁰⁸ Рапорт полковника Бурнашева Потемкину 13 июня, № 51.

¹⁰⁹ Письмо Давида Потемкину от 13 июня 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 45.

¹¹⁰ Письмо генералу Потемкину без числа от всех сословий народа. Там же, карт. 47.

Обе партии смотрели на полковника Бурнашева как на лицо, присланное русским правительством установить в Имеретии правление, а следовательно, и спокойствие. В ожидании такого решения всех занимал вопрос, какое участие будет принято в судьбе царевича Давида Арчиловича и, если вновь избранный царь будет оставлен на престоле, удержат ли свою власть и чины те, кто обладали ими при покойном царе Соломоне? До окончательного разъяснения этого вопроса обе партии не сходились друг с другом.

«Необычайно видеть сии толпы вооруженные, – писал Бурнашев¹¹¹, – каждый боярин имеет свою немалую за собою свиту таковых людей. Хотя они и все стекаются под единое покровительство всеавгустейшей нашей государыни, но беспокойство от незнания своей участи и недоверчивость между собою содержала их в крайнем мыслей кипении. Не имея страха к строгости царя Соломона, считают они, как кажется, нового своего царя яко по милости их избранного и не сильного сделать им никакого прощения».

При содействии католикоса Максима полковнику Бурнашеву удалось примирить враждовавшие партии. Царь Давид дал письменное обязательство, в котором высказал будущие отношения к своим подданным. Он объявил неперемное желание отправить в Россию посольство с просьбой о покровительстве, обещал обеспечить царевича Давида и поручил его опеке католикоса Максима, как его крестного отца. Князей и дворян царь обещал оставить при занимаемых ими должностях и званиях и во всем поступать по справедливости. С своей стороны князья, духовенство и дворяне письменно обязались быть верными царю и исполнять все его повеления беспрекословно¹¹².

Бурнашев уехал из Имеретин, но спокойствие в ней не установилось. Сардар князь Папуна Церетели первый подал повод к новым волнениям. Провозглашая своего шурина царем, Церетели рассчитывал на многие преимущества, но, к своему сожалению, заметил, что Давид не оказывает ему никаких предпочтений. Он надеялся быть первым лицом в Имеретин, но увидел, что царь обращается за советами к Бурнашеву и католикосу Максиму, как человеку наиболее сведущему и опытному. Папуна Церетели возненавидел этих лиц и решил противодействовать царю во всем, что не исходило из его советов. Сразу после отъезда полковника Бурнашева он подговорил князя Боро Цилукидзе и других знатнейших особ заявить, что они не согласны на отправку посольства в Россию, и, когда царь стал на этом настаивать, партия Церетели и Цилукидзе решила оставить Давида. Покинув царскую резиденцию, они разбежались по домам. Удивленный таким поступком, Давид послал спросить их о причине отъезда и потребовал, чтобы все князья оставались при нем до отправки посольства.

«Мы о посольстве ничего не знаем, – отвечали князья посланным, – и если царь хочет, то может сам ехать в Россию, а из нас никто не поедет».

Приехав сам в Кутаис и зная, что источник всех волнений князь Папуна Церетели, Давид просил бывшего при нем доктора Виттенберга узнать о причине неудовольствий.

– Отчего вы так поспешно оставили царя, – спросил Виттенберг Папуна Церетели, – вы, который содействовал возведению его на престол?

– Нам досадно было, – отвечал тот, – что царь переговаривался с полковником Бурнашевым без нашего согласия.

– Но ведь вы все тут были и также с Бурнашевым говорили.

– Правда, мы с ним говорили, но мы просили царя, чтобы он с ним никакого дела не имел, а царь делал все это нам в досаду.

– Что же вы теперь намерены делать? – спросил Виттенберг.

– Возведем на престол малолетнего Давида, – отвечал решительно Церетели.

¹¹¹ Генералу Потемкину от 13 июня, № 51.

¹¹² Рапорт полковника Бурнашева генералу Потемкину 26 июня, № 52.

Это известие встревожило царя, тем более что, еще не упрочив своей власти, он получал тревожные вести из Турции. Порта объявила царем Имеретин находившегося в изгнании князя Кайхосро Абашидзе, который обещал турецкому правительству платить дань и посылать ежегодно в Константинополь 190 мальчиков и девочек¹¹³. Князь Абашидзе отправил письма первейшим князьям Имеретин, в которых сообщал, что Порта обещала дать ему двенадцать тысяч войска и что в самом скором времени он явится в Имеретию.

«Мы получили письмо из Турции, – говорил загадочно князь Зураб Церетели лекарю Виттенбергу, – и скоро в Имеретин произойдет нечто новое».

Виттенберг знал, на что намекает Зураб, знал, что речь идет о прокламациях князя Абашидзе, и потому старался описать Зурабу Церетели бедствие, в которое будет вовлечена Имеретия, если опять подпадет под власть турок, и при этом заметил, что Россия не придет уже вторично на помощь.

– Конечно, – говорил Виттенберг, – России до Имеретин очень мало нужды, но вспомните, что потомки ваши будут оплакивать это несчастье.

– Я всей душой рад бы был, – отвечал Зураб, – и желаю, чтобы Россия приняла Имеретию под свое покровительство, но что мне делать, когда брат и Бери Цилукидзе не хотят, чтобы послы были посланы в Россию.

– Уговорите вашего брата, оставьте Цилукидзе и обратитесь к царю, Цилукидзе одному нечего будет делать.

Совет Виттенберга подействовал, и князья Церетели помирились с Давидом¹¹⁴. Царь хотел воспользоваться примирением и наказать князей Цилукидзе. Он приказал окружить дом их в Кутаисе, чтобы захватить всю семью в свои руки. В то время одна из дочерей князя Цилукидзе была уже сговорена за царевича Вахтанга, сына царя Ираклия, и жених должен был в самом скором времени прибыть в Кутаис. Узнав об опасности, угрожающей семейству князей Цилукидзе, царевич Давид Арчилович, как родственник Вахтанга, собрал вооруженную толпу и отправился на выручку осажденных. Опасаясь кровопролития, а главное, вмешательства Ираклия II, царь Давид оставил свое намерение захватить Цилукидзе и, чтобы задобрить царевича Давида, решил уступить ему в области Раче крепость Минду со всеми принадлежащими к ней домами и вотчинами¹¹⁵.

Князья Цилукидзе примирились с царем и присягнули быть ему верными, а Давид не только простил их, но впоследствии выхлопотал даже одному из них, а именно сардару, награду от щедрот императрицы¹¹⁶. Царевич Давид Арчилович приобрел своим поступком большое влияние в Имеретин, но вместе с тем и нерасположение царя и всей преданной ему партии. «Мы и Давид, племянник наш, – писал царь полковнику Бурнашеву¹¹⁷, – спокойны не будем и между нами согласие и любовь совершенна быть не может, да и жизнь наша благополучна. Для того просим донести его высочеству царю (Ираклию), дабы он дозволил сего молодого человека воспитать порядочно и приказал непостоянных людей отдалить на малое время для нашей общей пользы».

Имеретинский царь видел в царевиче Давиде опасного соперника и потому, естественно, искал случая или ослабить его, или вовсе удалить из Имеретин. Возникшая между ними вражда, как увидим, стала поводом ко многим волнениям в стране, и без того отличавшейся полнейшим безначалием, где власть царя не была еще упрочена, где князья и народ привыкли

¹¹³ Рапорт П.С. Потемкина князю Потемкину 10 октября, № 461.

¹¹⁴ Письмо доктора Виттенберга генералу Потемкину от 9 августа 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

¹¹⁵ Письмо царевича Давида царю Ираклию без числа. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

¹¹⁶ Письмо царя Давида князю Потемкину 7 сентября 1784 г. Госуд. арх. XV, 210.

¹¹⁷ В письме от 1 июля. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 47.

к своеволию, где каждый искал случая ловить рыбу в мутной воде и обогатиться за счет ближнего. Только участие России удерживало Имеретию от разложения и окончательной гибели.

Зная о покровительстве России, правитель Мингрелии князь Дадиан признал над собой верховную власть имеретинского царя, его примеру последовал и правитель Гурии. На взаимном свидании царь Давид и оба этих владельца постановили жить в мире, содействовать друг другу во всем, что касается спокойствия и целостности Имеретии, и в особенности действовать единодушно против внешних врагов, которые уже готовы были вторгнуться в Имеретию.

Правитель Гурии и Дадиан Мингрельский получили по нескольку писем от князя Кайхосро Абашидзе, в которых он уведомлял о скором прибытии в Батум с многочисленным турецким войском и призывал на соединение с ним, если они не желают своей гибели¹¹⁸.

В мае князь Кайхосро Абашидзе прибыл к анатолийскому паше Аджи-Али и вручил ему фирман Порты, повелевающий собрать тридцать тысяч войска и отправиться с ним после праздника Байрама в Имеретию для возведения князя Абашидзе на престол.

«Сам-то я не поеду и из ближних своих чиновников тоже никого не отправлю, – говорил паша одному из наших чиновников¹¹⁹, – а пошлю кого-нибудь из посторонних. Если Россия или Грузия вступятся за Имеретию, то, не принимая участия, буду смотреть на это дело как человек посторонний».

Не смея ослушаться повелений Порты, Аджи-Али-паша отправил в Потю несколько судов с провиантом и приготавливал войска для отправки туда же.

Получив сведения о намерении князя Абашидзе вторгнуться в Имеретию с турецкими войсками, царь Давид стал готовиться к обороне. Он собирал войска и, чтобы защита отечества была успешнее, прибег к хитрости. Царь составил подложное письмо, будто бы присланное ему генералом Потемкиным, и прочел его в собрании вельмож и народа. Выслушав письмо, в котором обещалась помощь России в случае, если имеретинцы будут действовать единодушно против общих врагов, все собравшиеся поклялись защищаться до последней капли крови и постановили немедленно отправить посольство в Россию¹²⁰.

В состав посольства были назначены католикос Максим, сардар и салт-ухуцес князь Зураб Церетели, первый мдиван-бег князь Давид Квенихидзе и князь Бессарион Габанов. В конце августа послы выехали в Петербург, куда и прибыли в день Рождества Христова, 25 декабря.

На третий день после приезда посольство было принято князем Потемкиным, величественный вид и веселое лицо которого, по выражению католикоса Максима¹²¹, «обещали нам покровительство». Светлейший обнадежил их милостью императрицы, которая пожаловала посланным 8000 рублей¹²² и 29 декабря удостоила их аудиенцией. Послы были в восторге от привета великой монархини, ее обнадеживаний и, наконец, от самой церемонии их представления императрице.

Пожаловав царю орден Св. апостола Андрея Первозванного и богатые подарки как ему, так и его супруге, императрица писала Давиду¹²³:

¹¹⁸ Письмо князя Кайхосро Абашидзе к Гуриелю. Госуд. арх. XXIII, № 13, папка 46.

¹¹⁹ Посланному с письмом паше от генерал-поручика Потемкина. Там же.

¹²⁰ Покойный царь Соломон давно уже находился под сенью щедрой десницы августейшей государыни. Ваша светлость, дайте всем ведасть, что, ежели турки приблизятся к Имеретин, я имею повеление им воспрепятствовать не только разорять, но и входить в оную. Как скоро вы о том известите, я приму надлежащие меры, войска здесь готовы, и никто не может им противостать. Я имею повеление никого не пускать, и ныне будьте вы осторожны и храбры. Извещайте обо всем меня и присылайте послов, дабы они увидели величие и великолепие высочайшего двора» (Госуд. арх. XV, № 210).

¹²¹ Госуд. арх. XV, № 210.

¹²² Католикосу 2000 р., князьям Церетели и Квенихидзе по 1500 р., свите 1000 р. и на стол 2000 р.

¹²³ Царю были пожалованы часы бриллиантовые, мех соболей, сорок соболей, мех горностаевый, три куска парчи, десять половинок сукна, царице – серьги бриллиантовые, сорок соболей, мех горностаевый и три куска парчи.

«Чувства усердия и преданности вашей и всего подвластного вам народа к нам и империи нашей, изъясненные в письме вашем, с посланниками вашими нами полученном, мы приемлем с отличным благоволением.

Отпуская сих посланников ваших, коих усердие к нам и ревность к добру отечества их хвалы достойны, возобновляем вашей светлости наши уверения, что мы, сохраняя вас и всех зависящих от вас в нашей императорской милости и покровительстве, не престанем пещися о благе имеретинских народов.

Подтверждаем желание наше, чтобы ваша светлость, по примеру достославного предместника вашего блаженного Соломона, в случавшихся делах и надобностях откровенным образом относились к нашему генерал-фельдмаршалу князю Григорию Александровичу Потемкину, которому главное начальство и управление пограничных военных наших сил и дел в том крае от нас вверено, и добрые его советы принимали и исполняли»¹²⁴.

В то время когда в Петербурге для посольства праздник следовал за праздником, в Имеретин происходили другого рода события: там вторгшиеся турки грабили и разоряли страну.

В середине сентября князь Кайхосро Абашидзе действительно приехал в Батум, куда вместе с ним прибыла и часть турецких войск, другая часть высадилась в Поты. Новый претендент на имеретинский престол рассылал всюду письма, приглашая имеретин принять его сторону. Князь Абашидзе сначала предлагал Гуриелю и Дадиану союз и дружбу, а не сумев склонить их на свою сторону, стал требовать аманатов¹²⁵.

Не нарушая договоров и мирных постановлений с Портой, наше правительство могло оказать Имеретин только косвенную помощь и содействие против замыслов турок. Генерал-поручик Потемкин отправил царю Давиду некоторую сумму на военные нужды, для привлечения Дадиана Мингрельского, и под видом засвидетельствования сестры его царицы Дарьи об усердии Дадиана к России Екатерина II пожаловала ему орден Св. Александра Невского с жемчужной звездой, штуку лент и десять звезд без украшений. При этом правителю Мингрелии было сообщено, что если он сохранит расположение к России и останется верным ей, то может рассчитывать и на большие милости.

Вместе с тем императрица поручила своему посланнику в Константинополе Булгакову настоять, чтобы Порта оставила всякие покушения на Имеретию и Грузию. Булгаков был уполномочен заявить турецкому правительству, что Россия, вступаясь за единоверные ей народы и избавляя их от угнетений, делала это, чтобы они навсегда были обеспечены полной безопасностью и имели собственное правление и что русское правительство не может смотреть равнодушно на новые бедствия, «им приуготовляемые». Желая сохранить дружбу и доброе согласие с Портой Оттоманской, русское правительство будет крайне сожалеть, если эта держава подаст повод к новым распрям своими действиями, способствующими угнетению народа, единоверного России. Оставляя имеретинский народ в его нынешнем состоянии под управлением нынешнего царя, избранного народной волей и по указанию покойного Соломона, Порта сохранит тишину в том крае и докажет свое миролюбие, тогда как, напротив, всякое покушение против Грузии и Имеретин петербургский двор не может принять иначе как за неприязненное действие против России.

После перехода Грузии под покровительство России пограничные с ней турецкие паши, стараясь вредить царю Ираклию, рассылали к лезгинам возмутительные письма «с выражениями непристойными» для России, а потому, чтобы «министерство турецкое отнюдь не думало, что может оно мало-помалу производить в действие вредные нам их намерения», императрица поручила Булгакову спросить Порту, по ее ли повелению рассылаются возмутительные воззва-

¹²⁴ Архив кабинета его величества. Св. 441.

¹²⁵ Письмо царя Давида католикосу Максиму от 26 сентября. Рапорт генер. – поруч. Потемкина князю Таврическому 10 октября, № 461.

ния или по своеволию пашей? В первом случае дать ей почувствовать, что дальнейшая рассылка подобных воззваний может привести к неприятным последствиям, а во втором, то есть если турецкое правительство возложит всю вину на пашей, требовать строгого взыскания для них, как подающих повод к нарушению мира и согласия между двумя союзными державами¹²⁶.

«Быть может, – писала Екатерина в другом рескрипте Булгакову¹²⁷, – что министерство турецкое станет говорить о народе имеретинском, что оный есть подданный Порты Оттоманской, и присвоить потому право переменять там владельцев по своей воле, но таковой перемены мы никоим образом попустить не можем, а ежели бы вы не могли успокоить Порту до такой степени, чтоб она оставила всякое движение в том крае без дальнейших изъяснений, то позволяем вам обратить дело сие в негоциацию, настоя, однако ж, непременно, чтобы до окончания сих переговоров никакое препятствие не делано было нынешнему царю имеретинскому в его правлении и чтобы войска в сию землю и против оной посылаемы не были. Что же принадлежит до царя карталинского и его земель и вообще до дел в Персии, в том никакой вопрос со стороны Порты настоять не может».

Инструкции эти еще не достигли Булгакова, когда турки 30 октября числом 6000 вторглись в Гурию. Дойдя до Озургет, они разграбили и выжгли семь селений, рассеяли жителей, но в плен захватить ни одного не смогли, ибо гурийцы, узнав о приближении неприятеля, заблаговременно скрылись в безопасные места¹²⁸. Царь Давид, собрав до 4000 имеретин, выступил с ними из Кутаиси и 3 ноября прибыл в селение Саджевахо, где и остановился на несколько дней, чтобы дожидаться подхода новых войск. Он отправил нарочного к генерал-поручику Потемкину, прося помощи и уверяя его, что все собравшиеся под его знамя имеретинцы горят желанием сразиться с неприятелем¹²⁹.

На последнем переходе накануне предполагаемого сражения к Давиду прибыл нарочный с письмом от генерала Потемкина. Царь воспользовался этим и просил посланного объехать его войска, причем приближенные Давида распустили слух, будто несколько русских полков отправлены с Кавказской линии для подкрепления имеретин и что посланный опередил их только для того, чтобы доставить это известие. Как ни нелепы были эти слухи, они ободрили христианское ополчение настолько, что впоследствии Давид сожалел, что ему не пришлось сразиться с турками¹³⁰.

Зайдя в тыл к неприятелю и заняв пути отступления, царь Давид намерен был в ночь на 12 ноября атаковать турок, но «к оскорблению моему, – писал он¹³¹, – неведомо кто из нашего общества предостерег врагов моих». Терпя крайний недостаток в продовольствии, турки, как только услышали о мнимом приближении русских войск и узнали, что путь отступления отрезан и имеретины намерены их атаковать, не стали ждать нападения. Рассеявшись в разные стороны, они небольшими партиями перебрались в Поты, оставив в добычу имеретинам весь свой лагерь, обоз, тяжести, амуницию, 1400 ружей и даже навьюченных лошадей¹³². Предводитель турок и виновник бедствия своего отечества князь Кайхосро Абашидзе бежал в Трапезонд, откуда уже не возвращался.

Давид торжествовал. «Ваше превосходительство, – писал он Потемкину, – подтверждаете нам о соединении непоколебимом; я имею честь уведомить, что единодушие ныне столь

¹²⁶ Рескрипт Булгакову от 7 октября. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 40.

¹²⁷ Рескрипт от того же числа. Там же.

¹²⁸ Письмо царя Давида католикосу Максиму в декабре без числа. Госуд. арх. XV, № 210.

¹²⁹ Письмо Давида генералу Потемкину 3 ноября. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 48. Рапорт Бурнашева ему же от 8 ноября. Там же, карт. 47.

¹³⁰ Рапорт П.С. Потемкина князю Потемкину 22 января 1785 г. № 6. Письмо Давида Потемкину без числа. Госуд. арх. XXIII, № 13, папка 49 и 50.

¹³¹ В декабре католикосу Максиму. Госуд. арх. XV, № 210.

¹³² Рапорт П.С. Потемкина князю Потемкину 22 января 1785 г. № 6.

твердо, что как будто сердца всех составляли единое. Все единодушно готовы защищаться; все единогласно молят Бога за августейшую нашу государыню».

С удалением турок Имеретия вздохнула свободнее от внешних врагов, но не избавилась от внутренних беспорядков. Царь Давид не имел тех способностей для управления народом, какие имел покойный царь Соломон, не умел поставить себя относительно своих подданных и потому постоянно враждовал с вельможами. Наиболее уважаемые имеретинцами князья Церетели, Цилукидзе и другие, не пользуясь доверием царя, отказались от должностей и, удалившись в свои имения, не принимали никакого участия в управлении страной. Простой народ своевольничал, не слушал ни царя, ни поставленных им правителей, избранных большей частью из тех, кто не заслуживал уважения. Всеми делами царства управлял бежавший из Грузии князь Элизбар Эрстов, женившийся на дочери покойного царя Соломона, но мало способный к занятию государственными делами. Царь Давид, по безграмотности, по неопытности и, наконец, по слабости характера только запутывал дела и обычно следовал первому же совету кого-либо из окружающих, набранных из людей бедных и беспокойных. Пользуясь бесхарактерностью царя, приближенные обкрадывали Давида, терпевшего крайнюю бедность и часто бывавшего без хлеба. Царь вынужден был в начале 1785 года для собственного пропитания обложить народ новыми налогами, но имеретинцы отказались их платить и после народного собрания постановили давать царю с каждого двора по червонцу, по 60 копеек вместо барана, по 6 пудов гомии, по 15 ведер вина и более ничего.

Примирившись с Дадианом Мингрельским, царь Давид считал его самым близким другом и до того подпал под его влияние, что без его совета не решался предпринять ничего сколько-нибудь важного ни по внешним, ни по внутренним делам¹³³. Он отдал в управление Дадиана до 700 дворов, доходы с которых предоставил в его пользу, а Дадиан вместо благодарности старался усилиться за счет царя и поддерживал постоянные раздоры в Имеретин¹³⁴.

¹³³ Вскоре после возвращения из похода в Кутаис Давид нашел там посланного с письмом от Сулейман-паши Ахалцихского. Прежде чем отвечать на письмо паши, Давид отправился за советом к Дадиану, имел с ним свидание на реке Цхенис-Цхали и только по возвращении отправил посланного с ответом.

¹³⁴ Рапорт Бурнашева генералу Потемкину 19 августа 1785 г., № 34.

Глава 5

Положение Грузии относительно соседей. Внутреннее состояние страны. Намерение Ираклия подчинить своей власти хана Ганжинского. Вторжение лезгин и отражение их русскими войсками. Интриги Порты и их последствия

Введенные в Грузию два егерских батальона не могли защитить страну от внешних врагов, окружавших ее со всех сторон, и оказать большого влияния на внутреннее положение. Подданные мусульманского вероисповедания дурно или вовсе не повиновались царю, а карталинские татары были готовы к бегству. В Азербайджане после усиления хойского хана Ираклий потерял прежнее влияние и лишился подарков, которые получал прежде, Ганжа почти отложилась от него, эриванский хан не платил дани и, поддерживаемый ханом Хойским и пашой Ахалцихским, не признавал над собой власти грузинского царя. Давнишний союзник Ираклия Ибраим-хан Шушинский (Карабахский) также стал уклоняться от союза, а соседние с Грузией лезгины грабили и опустошали страну, угоняли скот и уводили в плен жителей. Защита страны находилась в руках наемников, худо радевших о пользе Грузии. Увеличить число своих войск Ираклий не находил возможным, и на предложение генерала Потемкина платить своим войскам жалованье и давать продовольствие от казны царь отвечал, что это не в обыкновении в их земле. «Если сию плату, – писал Ираклий¹³⁵, – будем производить нашему народу, то невозможно будет умножать наших войск другими народами, и потому содержим наши войска без платы, а на сии деньги умножаем их число другими народами».

Несмотря на свое бессилие, Ираклий пытался восстановить потерянное влияние в Азербайджане и упрочить свою власть в Эривани и Ганже. Собрав войска, он отправил их к Ганже под началом бывшего там губернатором князя Андронникова и Шамшадильского Али-султана. Ганжинцы встретили грузин в садах, окружающих город, но после непродолжительной перестрелки вынуждены были запереться в крепости. Этот незначительный успех подал Ираклию надежду, что ганжинцы покорятся и без содействия русских войск, если только Фет-Али-хан Дербентский не помешает Ибраим-хану Шушинскому прислать войска на помощь грузинам. Опасаясь, что вражда, возникшая между дербентским и шушинским ханами, помешает Ибраиму оказать содействие в покорении Ганжи, Ираклий просил Фет-Али оставить неприязненные действия против Карабаха. Посланный царя мирза Мисаил встретил дербентского хана на пути к Ерабагу в местечке Сальянах, где вынужден был остановиться со своими войсками из-за недостатка продовольствия. Почти в одно время с Мисаилом к Фет-Али-хану прибыл посланный пашы Ахалцихского, его казначей с тремя тысячами червонных, собольей шубой и часами, усыпанными бриллиантами. Посланный пашы заверил дербентского хана в неременной помощи турецкого двора и передал ему письмо, побуждающее его к действиям против России.

«Милости и обогащение Карталинии со стороны российского двора, – писал Сулейман, – имеют ту склонность, чтоб обладать всем Ираном. Предупеждаем вас заблаговременно о том; будьте готовы к начатию (военных действий) сего лета, а я вам отвечаю казною. Вы от тех мест начнете свое дело, а мы отсюда нападём на Грузию. Советую вам соединить все свои силы; в противном случае раскаетесь и скоро, когда ослабеют все ваши члены».

Фет-Али-хан хотя и не верил всем этим обещаниям, но хотел извлечь возможную пользу от такой присылки. Он отправил к генералу Потемкину своего чиновника Садык-мирзу с известием, что к нему прибыл посланный от турецкого пашы с подарками, которых он не только не принял, но и письма не читал, что посланный отправился потом в Карабах к Ибраим-хану,

¹³⁵ В письме П.С. Потемкину от 29 декабря 1784 г. Госуд. арх. XXIII, № 135, карт. 49.

который принял его с особыми почестями, пушечной пальбой и в присутствии всех надел на себя халат, присланный ему в подарок.

«Вы изволите всегда мне писать, – говорил Фет-Али-хан в письме П.С. Потемкину¹³⁶, – что Ибраим-хан состоит под покровительством ее величества и чтоб его не притеснять, но уверяю вас, что он посылает к турецкому султану посланников с секретными переписками и за то получает себе подарки и вмешивается в непристойные дела, а я и поднесь состою в верности ее величеству».

Надеясь получить одобрение за мнимую преданность к России, Фет-Али-хан вместо того получил от генерала Потемкина выражение сожаления, что отпустил посланного, а не задержал его в своих владениях, как бы следовало поступить человеку, преданному России¹³⁷. Ошибшийся в расчетах дербентский хан видел, что интрига его против Ибраим-хана Шушинского также не удалась. Он сознавал, что его военные действия против Ибраима не могут быть успешны, так как большая часть его войск, не имея средств к пропитанию, расходилась по домам, а между тем жители Карабаха, оставив селения со всем своим имуществом, скотом и семействами, удалились в горы и, засев в крепких местах, готовы были встретить неприятеля. Затруднительное положение, в котором очутился Фет-Али-хан, было причиной, почему он встретил посланного Ираклия с особой предупредительностью. Он уверял мирзу Мисаила, что хочет сохранить с Ираклием дружбу и доброе согласие и, не имея никаких враждебных намерений против Грузии, не может, однако же, примириться с Ибраим-ханом. Дербентский хан предлагал разделить Карабах на две части – одну взять себе, а другую предоставить Ираклию, но с тем, чтобы в этом разделе русские не принимали никакого участия.

– Нам нужно, – говорил дербентский хан мирзе Мисаилу, – утвердить союз с царем Ираклием присягой, аманатами или свиданием. Я не требую от его высочества большого числа войск, а только пятьсот человек для завоевания Карабаха. Когда я возьму и разорю Шушу, я поселю жителей на равнине. Татарскую орду, принадлежащую Грузии, возвращу, а остальных разделю между нами или так: армяне достанутся его высочеству, а магометане – мне. Буде царю угодно будет, сделаем брата Ибраим-хана начальником Карабаха: пусть он нам обоим служит. Если мои предположения исполнятся, я не хочу иметь никакого участия в делах Ганжи, и тогда вся область перейдет к царю.

– Его высочество, – отвечал на это Мисаил, – находится под покровительством российской императрицы и без совета русского начальника ни в какие дела входить не станет.

Ответ этот не нравился Фет-Али-хану, который хотел удержать Ираклия от союза с Ибраим-ханом.

– Коронован был ваш царь? – спросил Фет-Али-хан, как бы меняя тему.

– Корона в роде наших царей не новость, – отвечал Мисаил, – они с давних времен были всегда коронованы. Остановка в сем произошла оттого, что светлейший князь (Потемкин) намерен прибыть в Моздок, а оттуда в Каргалинию, чтобы короновать царя при себе.

– Царь и пред сим ввел россиян в свое отечество, – заметил Фет-Али-хан, – но никакого прока от них не видал... Чего вы от них теперь ожидаете?

– Такие слова простиительно говорить кому-нибудь другому, а не вам, когда вы существуете единственно поддержкой России.

– Я не намерен, – отвечал Фет-Али-хан, – иметь какое-либо дело с русскими и делать их соучастниками в моих поступках. Если его высочество содержит несколько войск российских для своей стражи, пусть с ними и советуется, а я стараться буду завладеть Карабахом.

Спустя несколько дней Фет-Али-хан действительно подошел к Карабаху. Ибраим вышел навстречу неприятелю и, расположившись в четырех милях от него в одной из своих крепо-

¹³⁶ От 10 января 1785 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 49.

¹³⁷ Рапорт П.С. Потемкина князю Потемкину от 22 января, № 7. Там же.

стей, просил помощи Ираклия¹³⁸. Не имея в распоряжении свободных войск, грузинский царь вынужден был послать приказ Али-Султану и князю Андронникову, чтобы они, сняв осаду Ганжи, следовали на соединение с Ибраим-ханом.

Ганжинцы торжествовали, тем более что получили заверение Фет-Али-хана, что он сделает все возможное для освобождения заключенного хана и возвращения ему владения. Чтобы скорее достичь этого и поддержать Фет-Али-хана, ганжинцы стали склонять на свою сторону подданных Ираклию шамшадильских и шамхорских татар, которые, видя временный успех ганжинцев, намерены были тоже отложиться от власти царя. Ираклий обратился тогда к помощи русских войск. Он просил полковника Бурнашева поддержать его в экспедиции против Ганжи. Бурнашев приказал трем ротам Горского батальона следовать в селение Муганлу, одной роте Белорусского полка из Сурама и трем из Еизихов прибыть в Тифлис, чтобы выступить оттуда с грузинскими войсками. Соединение обоих наших отрядов было назначено на реке Алгет. В Грузии остались только три роты Горского егерского батальона, расположенные в Сураме и необходимые для защиты страны от лезгин, совершавших набеги со стороны Ахалциха¹³⁹.

Не оставляя своих враждебных действий против Грузии, Сулейман-паша содержал лезгин на жалованье и, давая им приют в Ахалцихском пашалыке, направлял их время от времени в Грузию. На требование Потемкина не держать у себя лезгин Сулейман отвечал, что не имеет возможности запретить им приход в свои владения, и сваливал всю вину на Ираклия и его подданных.

«Для чего грузины, – писал он¹⁴⁰, – пропускают их чрез свое отечество и не воспретят проход им в Кахетию и Карталинию, чрез которые они выходят и ко мне. Каким образом мне воспретить им вход? Тем более что леки (лезгины) с нами одного закона, по которому взаимная вражда и брань воспрещается. Небезызвестно также вам и то, что Дагестан по своему положению составляет ближайшее соседство Грузии и удаленнее от меня; что народу сему издревле как Персия, так Ахалцих и Карталиния не в силах были в отечества свои возбранить проходы. Довольно видно из сего, что не я причиной и что я бессилен между двумя великими государями нарушить мир, ныне существующий».

Сулейман писал, что не он нарушает мир, а Ираклий, который, вторгаясь в турецкие владения, выводит жителей в Карталинию и что таким способом переселил к себе несколько сот крестьян.

Паша считал себя вправе поступать таким же образом и потому собрал в своих владениях довольно значительную толпу (до четырех тысяч) лезгин и ахалцихских турок, которые, как «заподлинно известно, – писал князь Потемкин-Таврический¹⁴¹, – вызваны были в сей поход публичными крикунами».

В апреле 1785 года это сборище вторгло в Карталинию, разорило три деревни и увекло в плен более 600 жителей. Находившийся в Сураме майор Сенненберг, получив сведения о вторжении в Грузию значительной толпы грабителей, взял 200 егерей с одним орудием и бросился их преследовать. 16 апреля он настиг их на ахалцихской дороге в семи верстах от Сурама, прижал к левому берегу Куры и после четырехчасового сражения разбил их наголову. Более 1300 неприятелей погибло в этом сражении, многие из них, спасаясь от русских пуль и штыков, бросались в Куру и утонули, не в силах добраться до противоположного берега, множество тел плыло по Куре до самого Тифлиса. Наибольшие потери понесли турки, 200 человек

¹³⁸ Письмо мирзы Мисаила князю Герсевану Чавчавадзе 7 марта 1785 г. Госуд. арх. XV, № 197.

¹³⁹ Рапорт Бурнашева Потемкину 22 февраля № 7. Госуд. арх. XXIII, № 13, папка 49.

¹⁴⁰ В письме П.С. Потемкину от 12 марта 1785 г. Госуд. арх. XV, № 192.

¹⁴¹ В ордере П.С. Потемкину 22 мая, № 146. Госуд. арх. XXIII, № 13, папка 49.

из них было взято в плен¹⁴². Победа была полная, и ее отмечали в Грузии и Имеретии. «Опыты храбрости наших войск, – писал Потемкин полковнику Бурнашеву¹⁴³, – и всегдашнее сокрушение лезгин, дерзающих противостоят храбрым нашим войскам, послужат в доказательство царю и всем грузинам, сколь велико для них благополучие быть под щитом российского воинства».

Скоро Ираклию предстояло убедиться в справедливости слов Потемкина, ибо, чтобы отомстить за поражение, нанесенное им Сен-ненбергом, 27 мая 1200 лезгин и 500 турок снова вторглись в Грузию. Выйдя ночью из Ахалциха и спустившись вниз по Куре, они опустошили несколько селений. Сенненберг взял 300 егерей, 125 грузин и три орудия и, выступив из Сурама, пошел навстречу неприятелю. 28 мая они встретились. Неприятель стремительно бросился на грузин, смял их и атаковал егерей. После часового, весьма упорного сражения майор Сенненберг, несмотря на замешательство грузин, рассеял неприятеля, оставившего на поле 300 человек убитыми и 63 – пленными¹⁴⁴.

Хотя турки и лезгины потерпели вторичное поражение, поступки Сулейман-паши заставили наше правительство требовать от Порты полного удовлетворения, в ожидании которого Потемкину поручено было отправить к сераскиру Хаджи-Али-паше посланного «с жалобой и настоять, чтобы с Сулейман-пашой поступлено было яко с нарушителем мирных постановлений и чтобы пресечена была впредь навсегда подобная дерзость».

«Соединение оттоманских подданных с лезгинами, – писала императрица нашему посланнику в Константинополе Я.И. Булгакову¹⁴⁵, – относим единственно на счет ахалцихского Сулейман-паши, который не один раз доказал уже свое недоброхотство к сохранению доброго соседственного согласия, а нимало не подозреваем, чтобы тут Порты имела, вопреки мира к нам, какие-либо виды». Екатерина II поручила Булгакову заявить турецкому правительству, что она требует «наиусильнейшего» удовлетворения и что «для утверждения нас в добром мнении о миролюбивых Порты намерениях, для отвращения пролития невинной крови и для упреждения несогласий и самого разрыва, – необходимо нужно наказать означенного пашу и других, кто в посылке оттоманских подданных на земли вассала нашего царя Карталинского обще с лезгинами участвовал».

Представления нашего посланника оставались без всякого исполнения. Турецкое правительство неравнодушно смотрело на пребывание наших войск в Грузии и втайне не только одобряло поведение паши Ахалцихского, но и старалось возмутить против Грузии соседних владык, не щадя для этого ни денег, ни подарков. Порты старалась разорить Грузию настолько, чтобы она была не в состоянии прокормить русские войска, и, устранив соседних правителей постоянными вторжениями в Грузию, отвратить их от поисков покровительства России¹⁴⁶. По всему Закавказью под личиной путешественников и торговцев разъезжали посланные турецкого правительства, стараясь убедить мусульманское население, что Россия обещала Ираклию покорить всю Персию. Как ни нелепы были эти толки, но они оказывали свое действие, в особенности когда летом 1785 года в Закавказье появился капиджи-баши, развозивший фирманы султана, призывавшие правоверных к сопротивлению замыслам России.

Правоверные принимали посланных с подобающим почетом, поверили в обещание Порты содействовать им деньгами и войсками и ополчились против Грузии. Все азербайджанские ханы, кроме Эриванского, заключили союз с дагестанцами и взяли взаимные обязательства сопротивляться завоевательным намерениям России. Многие из них прибыли на границу

¹⁴² Рапорты Бурнашева Потемкину 22 и 24 апреля, № 1, 18 и 19.

¹⁴³ В ордере от 2 июля, № 30.

¹⁴⁴ Госуд. арх. XX, № 263.

¹⁴⁵ В рескрипте от 23 мая 1785 г., № 363. Арх. кабинета его величества, ев. 441.

¹⁴⁶ Всеподдан. донесение кн. Потемкина. Московс. арх. Глав, штаба. Журнал кн. Потемкина подаваемым ее имп. вел. запискам.

Грузии и требовали, чтобы паша Ахалцихский или сам одновременно с ними вторгся в Грузию, или отпустил к ним находившихся у него лезгин¹⁴⁷. В августе Ираклий получал со всех сторон сведения о сборе на его границах многочисленных врагов: в Ахалцихе собирались лезгины и турки, подстрекаемые и набираемые Сулейман-пашой, Омар-хан Аварский, соединясь с джаро-белоканцами, также готовился к вторжению в Грузию, мусульманские подданные Ираклия волновались, переговаривались с лезгинами и обещали, отложившись от царя, присоединиться к ним. Казахи дали даже слово с появлением лезгин схватить жившего среди них царевича Георгия и передать в их руки. Посланные в Дагестан лазутчики приносили каждый день все более и более угрожающие известия и советовали грузинам заблаговременно найти для своих жен и детей убежища и скрыть в безопасные места имущество¹⁴⁸.

Опасаясь больше всего вторжения Омар-хана, силы которого простирались до 15 000 человек, Ираклий, хотя и призывал к себе на службу ингушей и осетин, обещая хорошее жалование, но считая свое положение безвыходным, не думал уже об обороне границ, а приказал жителям собираться в четыре главных пункта, отстаивать которые и был намерен. Это были города Гори, Тифлис, Телав и Сигнах. Приказание это осталось далеко не исполненным. В то время в

Грузии не было единства, и многие из князей и дворян, предпочитая следовать собственным интересам, остались в своих маленьких замках¹⁴⁹. Положение страны было критическое, грузины собирались на защиту отечества медленно, вяло и неохотно, так что на успех отражения неприятеля рассчитывать было трудно.

«Долгом поставляю представить, – писал полковник Бурнашев¹⁵⁰, – что по испытанию моему через два года худую я имею надежду на грузин, причины сему не место теперь объяснять. Не имею я конных войск и для разъездов, нужно хотя бы сколько-нибудь иметь оных на сей случай; нужно и для того, чтобы присланием сикурса ободрить от уныния падших здешних жителей, а неприятелям внушить страх умножением наших сил».

Грузины действительно были в большом смятении, тем более что лезгины, не ожидая Омар-хана Аварского, рассеялись по всей Грузии небольшими партиями со стороны Ахалциха, грабили и опустошали страну. Чрезвычайная жара иссушила реки, так что переправа не представляла никаких затруднений, и почти не было дня, чтобы лезгины не похищали где-нибудь скот или людей или не сжигали хлеб, которого до сих пор они никогда не касались.

Ираклий, не надеясь на собственную защиту, повторял просьбу о присылке русских войск и доставке ему заимообразно 200 пудов пороха. Полковник Бурнашев сосредоточил в Тифлисе восемь рот своих батальонов, чтобы двинуться с ними против неприятеля, когда узнает направление, которое тот примет при вторжении в Грузию¹⁵¹.

В то время Потемкин не мог оказать Ираклию никакой помощи, ибо все войска, расположенные на Кавказской линии, были заняты умирением волнений, произведенных на северном склоне Кавказа появившимся в Чечне пророком.

¹⁴⁷ Моек. арх. Гл. штаба. Журнал кн. Потемкина подаваемым ее имп. вел. запискам.

¹⁴⁸ Рапорты подполковника Квашнина-Самарина Бурнашеву 3 и 17 августа 1785 г.

¹⁴⁹ Рапорт Бурнашева 4 октября, № 42.

¹⁵⁰ Рапорт Бурнашева Леонтьеву 17 августа, № 38.

¹⁵¹ Рапорт Бурнашева Потемкину 19 августа, № 33.

Глава 6

Пророк в Чечне и его учение о газавате, или священной войне. Неудачное сражение полковника Пиери с чеченцами. Волнения в Кабарде. Нападение горцев на Каргинский редут и Гризориополис

В начале 1785 года в Чечне появился пророк по имени Мансур¹⁵², начавший проповедовать новое учение. Уроженец селения Алтыка-бак¹⁵³, Мансур принадлежал к самым бедным жителям аула, ему было в то время около двадцати лет.

«Отец мой, – говорил он¹⁵⁴, – именовался Шебессе, он умер, но из братьев моих еще двое в живых. Я беден, все мое имение состоит из двух лошадей, двух быков и одной хижины. В первые годы своей юности пас я овец, а возмужав, упражнялся в земледелии, грамоте не учен, читать и писать не умею, а выучил наизусть повседневные пять молитв и узнал основные догматы религии. Я видел, что соотчичи мои, как простой народ, так ученые и духовенство, уклонились от путей закона, впали в заблуждения и, отринув должное к Богу почтение, пост и молитву, стали жить развратно, утопая во всевозможных злодеяниях. Мне известно было, что с давнего времени народ наш следует дурным обычаям воровать, убивать без всякого сожаления ближних и вообще ничего иного не делать, кроме зла; и сам я поступал таким же образом. Но, вспомнив смертный час и ведая, что за неисполнение законом повеленных обязанностей должен буду дать ответ Богу на страшном судилище, я вдруг осветился размышлением о роде жизни, мною провозжаемом, и усмотрел, что он совсем противен нашему святому закону. Я устыдился своих деяний и решил не продолжать более такой варварской жизни, а соотносить свое поведение с предписаниями священного закона. Я дал себе твердый зарок не следовать худым примерам своих соотчичей, жить набожно и никогда не пренебрегать постом и молитвой. Я покаялся во грехах своих, умолял о том же других, и ближайšie мои соседи повиновались моим советам».

Небольшое число последователей не удовлетворило, однако же, Мансура. Одаренный от природы гибким умом и сильною волей, он умел вкрадываться в доверие и, горя нетерпением

¹⁵² Настоящее имя его было Учерман, переделанное нами сначала в Ушурму, а потом в Мансура. Впоследствии и сам пророк называл себя последним именем.

¹⁵³ Так сам Мансур называл селение, в котором родился. На наших картах оно известно под именем Алды. В журнале «Русская мысль» 1884 г., кн. VII была напечатана статья «Авантюрист XVIII века». В ней описаны похождения какого-то лжепророка Мансура, не имеющего, впрочем, никакого сходства с тем, который явился проповедником в Кавказских горах. Автор пишет, что в марте 1785 г. в Курдистанском городе Амадии появился пророк Мансур (самозванец Жан-Батист Боэтти, итальянец по происхождению), начавший проповедовать новое учение. Далее говорится, что число его учеников быстро возросло и достигло огромной цифры, что, выступив 20 апреля 1785 г. из Амадии всего с 96 человеками, он подошел к г. Битлису с таким большим ополчением, что смог осадить его и потом взять штурмом. Этот первый успех имел будто бы громадные последствия: город Мусс сдался пророку без сопротивления, Ахалцих он взял штурмом, Эрзерум сдался, а в Тифлисе он разбил русские войска и захватил 10 000 пленных. Автор, очевидно, плохо знает Кавказ, если говорит, что к пророку шли последователи из ущелий Кавказских гор под Эрзерум. В конце статьи сказано: «Мы не можем сомневаться, что авантюрист кончил свою жизнь в Соловках (Соловецком монастыре), потому что последнее письмо его помечено «Соловецк 15 сентября 1798 г.». Все это выдумки и не имеет ничего общего с проповедником в Кавказских горах. Из нашего рассказа, как предыдущего, так и последующего, видно, что с 1782 по 1795 г. Тифлис не подвергался нападению пророка, что русские войска имели дело только с лезгинами и что, наконец, судьба кавказского Шейх-Мансура отлична от той, которая описана в статье. Взятый в плен в 1791 г. Шейх-Мансур был отправлен в Петербург и представлен императрице. Было бы более чем странно посылать фанатика-магоме-ганина в православный монастырь, и потому 15 октября 1791 г. Мансур был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, где и скончался 13 апреля 1794 г. Он похоронен без всякого обряда на Преображенской горе близ города (см. рапорт коменданта Шлиссельбургской крепости полковника Колюбакина, Госуд. арх. VII, д. № 2777). В том, что Мансур природный горец, сомневались еще и в прошлом столетии. В первое время смотрели на него как на эмиссара, подосланного турками, а потом как на пришельца, ищущего поддержки Порты. Все эти предположения оказались, однако, несостоятельными (см. Сборник Императорского русского исторического общества, т. 47, с. 143, 145, 170–181).

¹⁵⁴ В своих показаниях Шешковскому и др. Госуд. арх. VII, № 2777; XXIII, № 13, карт. 50–52.

выйти из круга обыкновенных людей, решил для привлечения большого числа учеников прибегнуть к хитрости и указать на себя как на посланника великого пророка. Однажды жители селения Алды узнали, что Мансур видел сон, несомненно доказывающий, что он избранник Божий.

«Во сне видел я, – говорил Мансур, – что приехали ко мне на двор два человека на лошадях и звали меня к себе. Я приказал жене выйти посмотреть и узнать, кто они и откуда? Жена, увидя верховых лошадей, удивилась, как могли они попасть на двор, ворота которого были накрепко заперты».

Возвратясь к мужу, она объявила, что во дворе действительно стоят два всадника, но кто они и откуда явились, она не знает. Тогда Мансур сам пошел на двор. Приехавшие приветствовали его словами селям-алейкюм, на что хозяин ответил обычным приветом и вслед за тем услышал от гостей необычайные слова.

– Повелением Бога нашего, – сказал один из них, – Магомет, пророк его, прислал нас к тебе сказать, что народы ваши все пришли в заблуждение и не исполняют совсем закона, данного им Магометом. Увещевай народ и передай ему наши слова, дабы он оставил свои заблуждения и шел по пути, данному нам законом.

– Народ наш, – отвечал будто бы Мансур, – не послушает меня, бедного человека, да и не смею я сказать ему об этом.

– Не бойся, говори, Господь тебе поможет, и народ поверит всему, что ты станешь проповедовать.

Всадники исчезли. Мансур три дня провел в посте и молитве и затем передал свое сновидение братьям. Он говорил им, что безверие, закоренелые пороки, склонность к грабегам и убийствам губят чеченцев и готовят им осуждение в будущей жизни, что он по власти, данной ему Богом, может исправить пороки соотечественников, научить их истинному закону и тем отвлечь от ожидающего их бедствия. Братья сочли этот рассказ за бред воспаленного воображения и запретили Мансору пересказывать сон посторонним.

– Люди тебе не поверят, – говорили они, – а нам будет стыдно.

Спустя два дня Мансур снова обратился к братьям с просьбой позволить ему объявить сон народу.

«Приключение это теснит меня, – говорил он со слезами, – и так мне тягостно, что если не объявлю народу, то должен умереть».

После таких слов братья были вынуждены согласиться. Мансур взошел, по обычаю, на крышу своего дома, закрыл уста рукавом и тихим голосом стал созывать односельчан. «Как тихо ни пушал он свой голос, говорили впоследствии алдинцы, но жители в ту же минуту все к нему сбежались»¹⁵⁵.

Рассказав собравшимся сновидение, Мансур стал требовать покаяния.

«Оставьте взаимные ссоры, убийства, кровомщение и простите друг друга, – говорил он народу. – Не курите табаку, не пейте ничего, что из солода приготавливается, и не прелюбодействуйте. Имение теперешнее, как неправильно собранное и накопленное, истребите, хлеба не сейте, ибо вместо него каждый будет иметь от Бога посланное. Именем Бога и его пророка Магомета упрашиваю вас, послушайте меня, а если не исполните сии заповеди и не слушаете моих сказаний, то в скорости подвергнетесь гневу Божию».

По выходе из мечети Мансур приказал зарезать двух баранов и мясо их раздал собравшимся. На следующий день из двух волов, составлявших все его имущество, он взял одного, обвел по обычаю три раза вокруг кладбища и затем, зарезав, разделил его мясо пополам: одну часть отдал бедным, а другую – малолетним, учащимся в школе. Благотворительность, на что и рассчитывал Мансур, привлекла к нему многих приверженцев. Бескорыстие не в характере

¹⁵⁵ Показание Кайтуки Бакова 1 марта 1785 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, папка 49.

чеченцев, и народ, видя, что Мансур раздает бедным последнее имущество, преклонялся пред ним с особым уважением. Он видел в бедном пастухе избранника Магомета, подражать которому Мансур старался на каждом шагу. Одержимый, подобно Магомету, падучими припадками – по понятию мусульман, признаками вдохновения, – Мансур часто притворялся ослабевшим и больным. Он обычно изнемогал и падал перед слушателями, которые относили его в другую комнату, где, пролежав часа с три как бы в бесчувственном состоянии, он возвращался к собравшимся с разными пророческими предсказаниями.

– Потерпите немного, – говорил он, – и поверьте, что увидите чудеса, от Бога сотворенные.

– Какие они будут? – спрашивали некоторые скептики.

– В будущем месяце и не далее как через три недели, – отвечал он, – будет глас с неба. Принявшие мое учение возрадуются возвещению обо мне, не принявшие – поразятся скорбью и умственным расстройством, от которого будут исцелены мной не прежде, чем чистосердечно раскаются.

Зная склонность своих соотечественников к грабежу и разбою, Мансур стал проповедовать о необходимости войны против неверных, придавая ей значение богоугодного дела.

Волею Божией, говорил он, предстоит нам идти для обращения народов в закон магометанский, сначала к карабулахам и ингушам, потом в Кабарду и, наконец, в русские пределы для истребления христиан. Когда наступит то время, тогда мне приказано свыше взять знамя, палатку и выехать на чеченскую равнину¹⁵⁶. Туда соберется ко мне со всех сторон столько войска, что едва в состоянии будет на той поляне поместиться. Я устрою из него стражу на девяти разных местах по десяти тысяч человек на каждом. Потом мы двинемся вперед, и те, кто не будет иметь лошадей, пойдут за нами пешими. Когда мы дойдем до карабулахов и ингушей, нас встретят три белые лошади с полным убором. Пешие обрадуются и бросятся их ловить, каждый поймает себе лошадь, а те три белые останутся свободными, пока все пешие не обзаведутся лошадьми. Следуя по горам, мы станем обращать всех неверных в наш закон и достигнем реки Кумы, где присоединится к нам столь же большое войско из Стамбула.

Обещая последователям все, что, по понятию чеченца, составляет прелесть жизни, то есть разбой, соединенный с богоугодным делом обращения неверных на истинный путь, Мансур грозил карой тем, кто не последует его учению и советам.

«Кто не поверит моим словам, – говорил он, – и останется в прежнем заблуждении, тот не удостоится быть среди войска. Таковые вынуждены будут возвратиться в свои дома, где встретят их малолетние дети, станут укорять их и плевать в глаза. Пристыженные детьми, пойдут они за войском, но не найдут его, точно так же как не сыщут и своих домов. Оставшись без крова, они будут искать убежища в казацких городках. От Кумы я пойду по русским селениям, и каждый из моих последователей должен иметь с собой небольшой медный кувшин, чтобы в пути по земле Русской черпать им воду из рек, которые от того пересохнут, а зачерпнувший будет иметь воды для себя и для лошади на целый месяц. Когда настанет время сражаться, каждый из вас получит от меня по небольшому ножу, который при взмахе против христиан будет удлиняться, колоть и рубить неверных, а против могометан скрываться. Ни пушки, ни ружья неверных не будут вредить нам, а выстрелы их обратятся на них самих. Все жители русских селений последуют нашему закону. Скрывшиеся у русских наши единоверцы будут вынуждены также следовать новому учению, ибо те, кто сего не исполнят, будут разрублены нами надвое, причем одна половина тела обратится в собаку, а другая – в свинью».

Суеверные до крайности чеченцы верили предсказаниям, тем более что случившееся вскоре после начала пророчества землетрясение принято было народом за чудо, предсказанное новым учителем. Во втором часу дня 12 и в ночь на 13 февраля на Кавказской линии слышен

¹⁵⁶ Равнина эта, известная под именем Красной Поляны, находится между реками Челха и Аргун.

был подземный гул и ощущалось колебание земли, следовавшее от гор на равнину. Колебание было настолько сильно, что вода в Тереке волновалась, как будто от жестокой бури. Землетрясение ощущалось в Моздоке, Науре, Григориополисе, Екатеринограде, в Павловской, Мариинской и Георгиевской крепостях. Охватив значительное пространство, оно навело ужас на все туземное население. Чеченцы видели в нем гнев Божий, исполнение предсказаний Мансура, число последователей которого после этого происшествия значительно увеличилось. Жители Алды решили разрядить ружья в доказательство готовности прекратить кровную месть, перестали курить табак, пить бузу, стали одеваться так, как одевался сам Мансур, – в платье турецкого покроя – и организовали вокруг него особую стражу в пятьдесят человек. Из них двадцать занимали караул у ворот, пятнадцать находились постоянно на дворе дома и пятнадцать в сенях. Сверх того алдинцы постановили оберегать все пути сообщения со стороны России¹⁵⁷.

Положившись на слова предсказателя, многие деревни стали готовиться к походу, шили знамена и говорили, что пойдут с Мансуром к ингушам для обращения их в мусульманство и отыскания какого-то древнего Корана, будто бы хранящегося у ингушей. Алдинцы уверяли, что Омар-хан Аварский прислал Мансуру письмо, в котором, высказывая сочувствие пророку, писал ему, что получил от Порты в подарок шубу и саблю с требованием, чтобы он, собрав войска, соединился со всеми единозаконными. Омар-хан обещал через две недели сам побывать в Алды и условиться о дальнейших действиях.

Происшествие в Алды скоро стало известно и в соседних аулах. Чеченцы с разных концов спешили побывать в Алдах сначала из любопытства, с намерением проверить ходившие слухи, а впоследствии – чтобы удостоиться видеть пророка. Последний скрылся в своем доме и редко показывался народу. В дни общественных молитв или праздников он выходил в белых одеждах и под покрывалом. Любопытство прибывших по большей части оставалось неудовлетворенным, и, не видав пророка, они обращались с расспросами о нем к тем, кто его окружал и был им избран. Естественно, в интересах последних было рассказывать об учителе как о человеке необычайном и отмеченном перстом Божиим. Придавая каждому слову и движению таинственность и допуская к себе лишь немногих, преимущественно тех, свидание с которыми могло принести ему пользу, Мансур весьма успешно шел к своей цели. Рассказы о его святой жизни, его предсказаниях и т. п. быстро распространялись, видоизменялись, преувеличивались, и скоро про Мансура стали рассказывать необычайные вещи. Одни говорили, что пророк видел во сне, будто он упал с небес и так сильно закричал, что вся деревня слышала, другие уверяли, что он был мертв и потом воскрес и что это обстоятельство он сам предсказал своим братьям.

¹⁵⁷ Показания разных лиц, приложенные к рапорту генерала Леонтьева П.С. Потемкину от 13 марта 1785 г. Госуд. арх. XXIII, № 13, карт. 49.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.